

Владимир ФЁДОРОВ

Два берега одной Победы

Небесная хроника 1943 года

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ПОКРЫШКИН Александр – будущий прославленный асс-истребитель, капитан, командир эскадрильи 16 истребительного полка.

СОКОЛОВ Виктор – старший лейтенант, боевой «сталинский сокол», неотразимый красавчик, угодивший помимо воли вместо эскадрильи Покрышкина в перегоночную дивизию.

УСАЕВ – майор, командир 16 истребительного полка, прямой начальник и главный недоброжелатель Покрышкина.

ВЕРШИНИН – командующий 4-й Воздушной армией, генерал-майор, высший начальник Покрышкина и Усаева.

МАЗУРУК – командир 1-й перегоночной авиадивизии, полковник, в прошлом – известный полярный летчик, Герой Советского Союза.

КОВАЛЁВ Алексей – летчик-перегонщик, капитан, командир бомбардировщика А-20, из питерских интеллигентов, любитель поэзии.

БЕЛОВ Андрей – летчик-перегонщик, лейтенант, штурман-радист бомбардировщика А-20, пробивной москвич, не расстающийся с гитарой.

АНГЕЛОВ Илья – летчик-перегонщик, истребитель, бывший капитан, прошедший штрафбат.

ПРИЛИПКО – старший лейтенант, начальник особого отдела перегоночной дивизии.

НИНА Маркова – метеоролог перегоночной дивизии, якутянка.

ЛИКА – заправщица аэродрома, недавно переехавшая в Якутск из Олёкминска.

ОКТЯ Сивцева – молодая охотница из села Оймякон.

ГЕРЛИХ Лилия – ведущая актриса Русского драмтеатра.

ГАФФНИ Дэйв – командир американской базы на Аляске, бригадный генерал.

ТОЛЛИ Николас – инженер-пилот американской базы, русский американец, правнук героя войны 1812 года Баркляя де Толли.

СКОТТ Вилли – инженер технической службы американской авиабазы.

ХЕЛЕН Смит – летчик-перегонщик, лейтенант, командир бомбардировщика А-20, американка русского происхождения.

ЭНН Дуглас – летчик-перегонщик, старший сержант, штурман бомбардировщика А-20, американка из Техаса.

МЭРИ Бэст – певица ресторана городка авиабазы Ледд-Фильд.

СОНИ Райт – журналистка американского журнала «Северная звезда».

Актрисы и актеры Русского драмтеатра, обслуживающий состав военных и перегоночных аэродромов, авиабазы Ледд-Фильд, жители Якутска.

Сцена первая

23 февраля 1943 года. На празднике, посвящённом 25-летию Красной Армии, в клубе 1-й перегоночной авиадивизии, в Якутске, где находится штаб дивизии, собрались летчики-перегонщики, командиры всех пяти полков трассы Аляска – Сибирь, технический персонал, близкие и друзья авиаторов, а также оказавшиеся гостями на торжестве Николас Толли и Вилли Скотт – два американских специалиста с военной базы Ледд-Фильд, что находится близ города Фэрбенкса. Именно оттуда, из-за океана начинается далёкий, совсем недавно проложенный и полный опасностей воздушный путь в Россию. Советские лётчики принимают в Ледд-Фильде у союзников боевые машины, чтобы через аэродромы Уэлькаль (Чукотка), Сеймчан (Магаданская область), Якутск и Киренск доставить самолёты за пять тысяч километров в Красноярск. Оттуда лёгкие истребители продолжают свой путь по железной дороге в разобранном виде. А тяжёлые бомбардировщики и дальше летят своим ходом – до самых прифронтовых аэродромов.

В зале клуба – праздничный кумачовый лозунг, на видном месте – большой портрет Сталина, украшенный алыми лентами, неподалёку от него – специальный выпуск стенгазеты «Сталинская трасса».

На трибуне перед киноэкраном заканчивает выступление командир перегоночной дивизии.

МАЗУРУК ...Товарищи командиры, красноармейцы, военнослужащие лётного и технического состава, выполняя приказ Верховного Главнокомандующего № 95 от 23 февраля 1943 года, я поздравляю всех вас с 25-летием Красной Армии! *(Раздаются бурные аплодисменты. Мазурук выдерживает паузу и продолжает).* Но хочу ещё раз напомнить мудрые слова товарища Сталина. *(Берёт в руки приказ и зачитывает абзац).* «Несмотря на великую победу под Сталинградом и успехи последних месяцев на ряде фронтов, не следует думать, что с гитлеровской армией покончено. Думать так – значит предаться неумному и вредному самообольщению. Думать так – значит переоценить свои силы, недооценить силы противника и впасть в авантюризм. Враг потерпел поражение, но он еще не побежден. Красной Армии предстоит суровая борьба против коварного, жестокого и пока еще сильного врага...» *(Откладывает приказ и продолжает уже от себя).* И мы, товарищи авиаторы, должны внести свой максимальный вклад в эту борьбу, не взирая на то, каких жертв и какого напряжения сил и возможностей от нас потребуется! Современные боевые истребители «Аэрокобра», бомбардировщики А-20 «Бостон», В-25 «Митчелл», поставляемые нашими американскими союзниками по Лендлизу, остро необходимы фронту именно сегодня, именно сейчас! Любое наше промедление, неорганизованность или расхлябанность при их перегонке на фронт – это невозполнимые человеческие и военные потери на земле и в небе, это сотни тонн фашистских бомб, упавших на головы мирных жителей Советской страны. Мы должны ежечасно помнить об этом и каждый день исполнять приказ Верховного Главнокомандующего, как поединок в самом решающем бою! Если в конце прошлого 1942 года, когда мы только открывали и осваивали трассу, счёт истребителей и бомбардировщиков, отправленных на фронт, шёл на десятки, то в нынешнем году он должен пойти на тысячи! На тысячи, товарищи!! Это наш долг перед Родиной. И мы его выполним! Да здравствует наша славная Красная Армия! Смерть немецким захватчикам! *(Звучат аплодисменты, все встают. Дождавшись, когда аплодисменты утихнут, продолжает).* На этом, дорогие товарищи, официальная часть закончена, культрук дивизии предлагает нам и нашим гостям-союзникам посмотреть новый киножурнал, а потом свободные от несения службы могут остаться на танцы до 12.00.

На экране появляются кадры выпуска №1 «Союзкиножурнала» за 1943 год – сусальные сценки с вручением новогодних подарков счастливым красным бойцам и другие идеологически приглаженные картинки. Махнув рукой на эти «сказки», из зала в выходят покурить и сталкиваются два ещё не знакомых между собой летчика Соколов и Ангелов, оба явно не в духе.

СОКОЛОВ *(ломая последнюю спичку и недовольно поворачиваясь к Ангелову)*. Ч-чёрт!.. Прикурить не дашь.

АНГЕЛОВ *(в тон)*. Могу и дать... *(Небрежно протягивает коробок)*. Чё-то я тебя не видел, старший лейтенант. Сегодня, что ль, в Якутск прилетел? Из новеньких?..

СОКОЛОВ *(как бы невзначай распахивая куртку, демонстрируя два ордена Красного Знамени на груди и возвращая спички. В тон Ангелову)*. А ты чё, из стареньких, и уже младший лейтенант?

АНГЕЛОВ. Да постарше тебя был... капитаном...

СОКОЛОВ. Разжалованный? Тогда понятно, чего такой смурной...

АНГЕЛОВ. Да и ты, смотрю, не больно весёлый.

СОКОЛОВ. А с чего тут у вас веселиться-то?! Я боевой лётчик, у меня семь «мессеров» и «юнкерсов» на счету, а меня в какую-то тундру отправили – в перегонщики. *(Сплевывает)*. Почти в оленеводы записали... А я на «Аэрокобру» переучился, думал в 16-ю эскадрилью к Сане Покрышкину вернусь. И тут – здрасьте! – такой подарочек от командования на День Красной Армии!.. Конечно, я рапорт по отзыву на фронт тут же написал... Самому Верховному Главнокомандующему... А вот домой написать стыдно. Одна радость матери – теперь за сыночка и переживать нечего. Разве только уши отморожу или от скуки у вас помру...

АНГЕЛОВ. Да я бы так не сказал, что от скуки помрешь. Ты ещё трассы нашей не попробовал. Это тебе не на Кубани орлом парить!.. Не бойсь, без «Кобры» и тут не останешься, а якутские морозы да туманы похлеще немецких «мессеров» будут... *(После затяжки и паузы)*. В прошлом году только с ноября по декабрь 34 лётчика похоронили...

СОКОЛОВ *(потрясённо)* Так это же целый авиаполк!.. У нас в боях за полгода меньше погибло...

АНГЕЛОВ. А ты говоришь, «в оленеводы»... Вот и нынешний год начаться не успел, а уже двоим отсалютовали... Хорошие ребята были...

СОКОЛОВ. Да... *(Примирительно)*. А тебя звать-то как?

АНГЕЛОВ. Илья. Ангелов.

СОКОЛОВ. А меня Виктор. Соколов. *(Протягивает руку Ангелову)*. Ангел, выходит? Падший?

АНГЕЛОВ. Да вроде того...

СОКОЛОВ. А за что тебя из капитанов да в младшие лейтенанты?..

АНГЕЛОВ. За вредительство. При посадке за полосу выкатился, не рассчитал, видимость была плохая, ну и заехал в лес. Винт загнул да стойку шасси переднего сломал... А наш особист Прилипко, видно, от всей души с рапортом постарался... Говорят, очередную шпалу на мне заработал...

СОКОЛОВ. И за шасси сломанное – в младшие лейтенанты?! Да знаешь, сколько мы их в учебном полку переломали?! *(Возмущённо)*. Капитана – и в младшие лейтенанты!..

АНГЕЛОВ. В рядовые... И в штрафбат под Сталинград... Нагляделся я там из окопов, как наша крылатая смена воевала – будто листья сверху сыпались. Да и что с них взять, если у пацанов, говорят, перед первым боем было только по часу налёта. Соответственно, и в бою – сорок минут жизни, в среднем... А тут сказки на экране показывают...

СОКОЛОВ. Вот и я не вытерпел – вышел... Тоже кое-чего повидать довелось... Да, а это что за иностранцы в зале сидели?

АНГЕЛОВ. Спецы американские, с военной базы Ледд-Фильд, возле Фэрбенкса, откуда ты теперь «Кобры» гонять будешь. Приезжали с поломками своих самолётов разбираться... Обычное дело...

СОКОЛОВ. Понятно... А ты, Илья, как из штрафбата-то выбрался?

АНГЕЛОВ. Да повезло – осколком зацепило на вторую неделю. А там, в штрафбате, сам знаешь, до первого ранения держат. Смыл вину кровью – и свободен. Слава Богу, задело несильно, руки-ноги работают, да и пилоты нынче на дороге не валяются. Подлечили в госпитале, вернули на перегонку и даже в младшие лейтенанты произвели...

СОКОЛОВ. Да, не так уж тут у вас скучно, как кажется на первый взгляд...

За спиной лётчиков начинаются танцы. К Ангелову подбегает метеоролог Нина и, со словами «Пойдём, пойдём!» несмотря на его молчаливое упорство («штрафник» стыдится бывшей подружки), утаскивает на площадку.

Рядом с Соколовым останавливается какой-то старший лейтенант, которого Виктор еще не знает.

ПРИЛИПКО *(вежливо)*. Разрешите прикурить, старший лейтенант...

СОКОЛОВ. Пожалуйста.

ПРИЛИПКО. Спасибо... Вы ведь у нас только сегодня в дивизию прибыли?

СОКОЛОВ. Да. А что?

ПРИЛИПКО. Хочу вам сразу же дать дружеский совет...

СОКОЛОВ. Я вас слушаю.

ПРИЛИПКО. Я бы на вашем месте, товарищ Соколов, поменьше общался с младшим лейтенантом, который тут с вами так задушевно курил... Он только по фамилии Ангелов, а на деле...

СОКОЛОВ (*срываясь*). А не пошли бы вы, товарищ старший лейтенант, со своими советами куда-нибудь подальше!..

ПРИЛИПКО. Могу и пойти. Но разрешите на прощание представиться: начальник Особого отдела дивизии Прилипко...

Прилипко пристально смотрит на Соколова, ожидая его реакции, испуга или извинения, но Соколов хладнокровно выдерживает взгляд особиста, хотя и понимает: он в первый же день нажил себе опасного врага... В это время объявляют белый танец – только что появившийся «Офицерский вальс». К курильщикам подходит девушка-заправщица Лика. Прилипко кивает ей как знакомой, делает шаг навстречу, но она обращается к красавчику Соколову.

ЛИКА. Товарищ старший лейтенант, разрешите вас пригласить!

СОКОЛОВ (*с радостью избавляясь от общества особиста*). С удовольствием, красавица!..

Прилепко зло разворачивается и уходит.

Сцена вторая

На прифронтовом аэродроме пока еще не знаменитый, но уже сбивший несколько самолетов капитан Покрышкин, приземлившись после второго или третьего испытательного полёта на своей недавно полученной «Аэрокобре», вылезает из кабины самолёта, отстегивает парашют, обходит самолёт, любовно его поглаживая. На фюзеляже истребителя написан номер «13».

ПОКРЫШКИН. Вот ты какая, «Кобрушка» американская, – норовистая, с характером. Ну, это ничего, дай срок, – объездим. Мы с тобой еще повоюем... *(Отходит, любясь стремительным, обтекаемым силуэтом машины)*. А хороша... красавица... Тебе бы ещё скорости чуток...

К Покрышкину сзади неслышно подходит в новеньких майорских погонах Усаев – бывший штурман полка, недавно ставший командиром.

УСАЕВ *(с ухмылкой)*. Нашёл красавицу...

ПОКРЫШКИН *(оборачиваясь и отдавая честь)*. Здравия желаю, товарищ комполка.

УСАЕВ *(небрежно)*. Здравия желаю, капитан Покрышкин... Нашел, говорю, красавицу...

ПОКРЫШКИН. Чем же не красавица, товарищ Усаев?.. Аэродинамика-то какая, линии какие!.. Может, тяжеловата чуток, но маневренность хорошая. Обзор из кабины прекрасный. Броня надёжная, фюзеляж металлический. А вооружение – ни на одном истребителе такого нет! 37-миллимитровая пушка, два пулемёта крупнокалиберных, да ещё четыре обычных – это же танк завалить можно!.. Но главное – рация! Представляете, товарищ майор, рация в каждом самолёте!..

УСАЕВ. Да всю жизнь без этих раций обходились – и ничего...

ПОКРЫШКИН. Вот и летали, как глухие, пальцами из кабины да крыльями *(показывает, качая руками)* объяснясь. А в современном воздушном бою, на высоких скоростях просто необходимо...

УСАЕВ *(обрывая)*. Смотрю, ты сильно грамотным стал, старших по званию учить начинаешь...

ПОКРЫШКИН. Никак нет, товарищ майор...

УСАЕВ *(не слушая и продолжая)*. Если ты такой умник, то скажи, почему англичане от этих «Кобр» сразу напрочь отказались, да и сами американцы на них летать не стали – нам свой неликвид сплавлять начали?.. Хорошие самолёты, небось, даром бы не отдавали...

ПОКРЫШКИН. Американцы над морем воюют, на больших высотах, а там «Кобра» по скорости, действительно, не тянет. Но на малой высоте, тысяч до четырёх с половиной, она, думаю, немецкому «мессеру» или «фоккеру» ни в чём не уступит. А мы как раз на этих высотах и работаем – то на штурмовку

ходим, то бомбардировщики сопровождаем. У англичан – война тоже высоко над морем, да у них и свой хороший истребитель есть – «Спитфайр»...

УСАЕВ. А у нас, что, своих хороших нет? А новый ЛаГГ-3?

ПОКРЫШКИН. Конечно, лучше старых «ишачков» И-16, но тяжёлый, фюзеляж – фанерный, скорость против немцев мала.

УСАЕВ. А Миг-3, на котором ты до вчерашнего дня летал?

ПОКРЫШКИН. Неплохая машина, но вот вооружение слабоватое – одни пулемёты, и скорость свою только на очень большой высоте выдаёт...

УСАЕВ. Но ты же на нём десять «мессеров» сбил...

ПОКРЫШКИН. Сбил. Но если бы сам сидел в кабине «мессера», то сбил бы больше.

УСАЕВ. Так-так, выходит, по-твоему, американский истребитель хороший, английский – прекрасный, немецкий – просто замечательный, а родные советские – дерьмо?!... Не кажется ли тебе, капитан, что это – не только очернительство нашего советского военпрома, но и пропаганда вражеской техники. А за такое дело, знаешь, статья имеется...

ПОКРЫШКИН. Я никого очернять не собираюсь, но завтра, как вам известно, по приказу командующего армией, на этой вот «Кобре» (*хлопает по крылу*) проведу показательный учебный бой с пилотом-испытателем конструкторского бюро Лагг-3. И уверен: сумею доказать, на что «Кобра» способна и как можно на ней воевать!..

УСАЕВ. Ещё посмотрим, как у тебя это получится!

ПОКРЫШКИН (*с вызовом*). Посмотрим.

УСАЕВ. А статью я тебе при случае напомню... Как и очередное пререкание с командиром.

ПОКРЫШКИН (*оставаясь один и пристально глядя вслед уходящему Усаеву*). И на кой чёрт такие в авиацию лезут? Ведь человек в двадцать лет уже директором ресторана был. Может, и неплохим даже. И вдруг решил в лётчики податься!.. «На зов партии», видите ли, откликнулся... Да не на зов партии, а на зов своего тщеславия «откликнулся» – «сталинским соколом» стать захотелось, орденами покрасоваться, карьеру быструю сделать... а за душой, кроме уставов да инструкций, – ни хрена нет!.. (*Сплёвывает*). Сидел бы в своём «Одуванчике» и не совался, куда не надо...

Сцена третья

Транспортный «Дуглас» стоит на заправке на аэродроме Якутска перед вылетом в Фэрбенкс, куда он должен доставить наших перегонщиков во главе с комдивом Мазуруком и американских специалистов. Более пунктуальные иностранцы Толли и Скотт подходят к самолету первыми. Толли, видя, как заправщица Лика, умудряясь при этом что-то мурлыкать под нос, закачивает ручным насосом топливо в бак, направляется к ней с явным желанием помочь. Скотт останавливается поодаль и закуривает. За спиной Лики, заметив, что к ней идёт американец, тут же останавливается «покурить» особист Прилипко, «случайно» проходивший мимо.

ЛИКА (*двигая ручкой насоса и в такт напевая «прилипшую» после вчерашнего вечера «Песню сталинского сокола»*).

Снова сталинского сокола
 Небеса зовут высокие,
 И девчонки ясноокие
 Мне вздыхают дружно вслед.
 Ухожу я на задание,
 Подтверждая это звание:
 И в боях, и на свиданиях
 Я немыслим без побед...

ТОЛЛИ. Здравствуй, красавица! Не тяжело? Давай помогу...

ЛИКА. Нельзя, не положено.

ТОЛЛИ. Мне можно, я начальник (*перехватывая ручку насоса и начиная качать*).

ЛИКА (*весело смеясь*). А я думала, – шпион.

ТОЛЛИ. Это почему же?

ЛИКА. Да с виду американец, а так хорошо по-русски говорите. Или вы русский?

ТОЛЛИ. Извините, не представился. Инженер-пилот авиабазы Ледд-Фильд Николас де Толли. Русский американец. Можно звать просто Николаем. А вас как зовут?

ЛИКА. Анжелика. Но мне больше Лика нравится.

ТОЛЛИ. Красивое имя.

ЛИКА. А вы, Николай, случайно не родственник Баркляя де Толли?

ТОЛЛИ (*удивлённо*). А вы его откуда знаете?

ЛИКА. В школе учили. Знаменитый полководец войны 1812 года.

ТОЛЛИ. Я его родной правнук...

ЛИКА. Шутите, наверное?

ТОЛЛИ. Нисколько. Мой коллега Вилли Скотт может подтвердить, правда, он по-русски говорит не очень хорошо.

Толли оборачивается к Скотту и машет рукой, подзывая, но тот, даже не удостоив Лику взглядом, докуривает сигарету и высокомерно проходит в самолёт. Прилипко, демонстрируя полное безразличие к диалогу Толли и Лики, на самом деле пытается расслышать каждое произнесённое ими слово.

ЛИКА (*хмыкнув вслед Скотту*). Подумаешь... (*Обращаясь к Толли*). Передайте вашему, простите, Скотту, что таких олекминские девушки не любят.

ТОЛЛИ (*смеясь*). Олёкминские?! Непременно передам. Он еще горько об этом пожалеет... Ну, красавица, по-моему, бак полон. Да и мне пора – ваш главный начальник Мазурук на горизонте появился.

ЛИКА (*сматывая шланг*). Вот-вот, спасибочко вам большое! И – до свиданья! А то мне сейчас влетит за нарушение инструкции.

В салон самолёта проходят и садятся, кроме командира дивизии и американцев, истребители Илья Ангелов и Виктор Соколов. Виктор на ходу успевает подмигнуть Лике и получить в ответ восхищенный взгляд. Но уже чрез миг в глазах девушки счастье сменяется испугом – стоящий поодаль Прилипко молча сверлит её взглядом, как удав кролика, и подманивает к себе пальцем.

Экипаж, которому предстоит пересечь в Фэрбенксе на бомбардировщик А-20 – капитан Алексей Ковалёв и лейтенант Андрей Белов (со своей неразлучной гитарой) – занимают кресла командира корабля и первого пилота. Двигатели запускаются, самолёт взлетает.

МАЗУРУК *(чтобы не тратить времени даром, подзывая к себе Соколова).* Садись-ка поближе старлей, послушай старого полярного волка. *(Показывает пальцем на ордена на груди Соколова).* Вижу, повоевал ты неплохо... Без пяти минут Герой.

СОКОЛОВ *(вздыхая).* Трёх самолётов до Героя не хватило. Не успел...

МАЗУРУК. Ничего, не горюй, у нас тут тоже не тихая обитель. К слову сказать, мне для одного особого дела как раз такой асс, как ты, нужен. Но для начала предупредить хочу: назад полетишь – внимательней за температурой двигателя следи, особенно на плече от Сеймчана до Якутска. Расстояние – не для истребителя – 1200 километров, с подвесными баками пойдёте. Аэродинамика с ними – не к чёрту, четыре часа без посадки пилить придётся. А внизу – горы и самое холодное место на Земле. Кабины замерзают, кислорода не хватает. И туман крошечный – отстанешь от лидера – хрен дорогу найдёшь. Да скоро сам увидишь – через час туда подлетим... *(Подзывает жестом Ангелова, обращается к нему).* Ты у нас, Ангелов, мужик бывалый, уже с десятков «Кобр», наверно, перегнал...

АНГЕЛОВ. Двенадцать, товарищ комдив.

МАЗУРУК. Так вот, будешь этому герою ангелом-хранителем. К вылету помощи подготовиться, расскажи, что и как... В полёте пригляди... Поддержи, в общем...

АНГЕЛОВ. Будет сделано, товарищ комдив.

СОКОЛОВ *(не сдержав любопытство).* А что за особое дело у вас для меня, товарищ полковник?

МАЗУРУК. Да надо американцев носом в одно место их «Кобры» ткнуть. Не верят... *(Поворачивается с сидящему с другой стороны Вилли Скотту).* И они вот тоже...

СКОТТ *(понимая, о чём идёт речь и отрицательно мотая головой).* Ноу, ноу, такой дефффект не может иметь место! Это есть невозможно...

ТОЛЛИ. По расчётам не должно быть. Наши конструкторы уверяют...

МАЗУРУК. Вот-вот...

БЕЛОВ (*с места радиста-штурмана, прерывая разговор*). Извините, товарищ комдив, разрешите обратиться, – срочное сообщение.

МАЗУРУК. Обращайтесь, лейтенант.

БЕЛОВ. Уэлькаль и Ном закрылись – сильный ветер со снегом. И Сеймчан не принимает. Что делать будем? Надо возвращаться...

МАЗУРУК. Лететь будем. Есть у меня одна знакомая коса у моря, её никогда не замечает... Давай-ка, штурман, на моё место...

Комдив перебирается в пилотскую кабину, а Белов переходит в салон и молча разводит руки, мол, с главным начальником трассы не поспоришь.

На экране вспыхивают кадры пурги, разыгравшейся в тундре и предгорьях Заполярья. Сквозь вой ветра слышен гул самолета. Мазурук в напряжении сжимает штурвал, вглядываясь в сплошную снежную круговерть. Звучит «Песня перегонщиков Алсиба».

По небесам неведомым,
Платя за смелость бедами,
Летели сквозь метели мы
Среди полярной тьмы.
Но два далёких берега –
Россию и Америку
Навек своими крыльями
Соединили мы.

Своей судьбы не знали мы,
Влюблялись и мечтали мы,
Хоть и до неба мирного
Не все смогли дожить,
Но два далёких берега –
Россию и Америку
Навек своими душами

Смогли соединить...

Сцена четвёртая

Двухместный номер военной гостиницы советских лётчиков на авиабазе Ледд-Фильд. На одной из кроватей лежит гитара Андрея Белова. Рядом с другой, за столом сидит с журналом «Огонек» в руках Алексей Ковалёв. На обложке «Огонька» – портреты знаменитых военных лётчиков, но капитан дочитывает вслух страничку стихов.

КОВАЛЁВ.

Мне не надо в раю тоскующей,
Чтоб покорно за мною шла,
Я бы взял с собой в рай такую же,
Что на грешной земле жила.

Злую, ветреную, колючую,
Хоть ненадолго, да мою!
Ту, что нас на земле помучила
И не даст нам скучать в раю.

Взял бы в рай с собой расстояния,
Чтобы мучиться от разлук,
Чтобы помнить при расставании
Боль сведённых на шее рук.

Взял бы в рай с собой друга верного,
Чтобы было с кем пировать,
И врага, чтоб в минуту скверную
По-земному с ним враждовать...

(Отрываясь от журнала). Как точно сказано... Константин Симонов, военный журналист... Тот самый, что «Жди меня...» написал. Дай ему бог живым остаться...

Распахивается дверь, входит радостно-возбуждённый Андрей Белов. С размаха садится на кровать, берёт гитару, ударяет по струнам и отбрасывает в сторону.

БЕЛОВ. Сидишь тут, командир, журналы читаешь и ничего не знаешь!

КОВАЛЁВ. А что такое стряслось? Ты прямо сияешь, Андрюша...

БЕЛОВ. Да я только что с экипажем нашего А-20 познакомился, которые его сюда с авиабазы Грейт Фоллз пригнали.

КОВАЛЁВ. Ну и что за повод для счастья? Я их по документам тоже знаю – командир какой-то Смит и штурман-радист Дуглас... Как и мы, – без стрелка-радиста прилетели.

БЕЛОВ. Знаешь, да не совсем... Дело в том, что они... девчонки!..

КОВАЛЁВ. Да неужто?

БЕЛОВ. Выдумывать буду, что ли... Лейтенант Хелен Смит и старший сержант Энн Дуглас. Говорят, у них в Грейт Фоллз целый женский полк сформировали. Эти первыми прилетели...

КОВАЛЁВ. Видно, у американцев одни слабаки остались, раз девчонок по такой трассе гонят за три тысячи вёрст. Как только и долетели!

БЕЛОВ. Прекрасно, говорят, долетели... Я их тоже спросил: зачем вам это надо, девчонки?! А они, знаешь, что ответили? Хотим, говорят, внести свой вклад в борьбу с фашизмом! Вот так-то...

КОВАЛЁВ. Молодцы...

БЕЛОВ. Да не просто молодцы. Ты бы посмотрел на них, Алёша, – красотки!.. И позывной соответствующий (*восхищенно*) – «Не-за-буд-ки»... По-английски «Фогет ми нот». Да сам этих Незабудок увидишь!

КОВАЛЁВ. Где я их увижу...

БЕЛОВ. Сегодня вечером, в ресторане авиабазы. Я их пригласил от имени нашего экипажа.

КОВАЛЁВ. Ну ты, москвич, и шустряк!.. А как же они согласились?

БЕЛОВ. Я ж базу подвёл! Мол, нам бы очень хотелось, чтобы они как настоящие союзники поделились своим бесценным опытом, особенностями пилотирования и, вообще, впечатлениями от машины, на которой дальше лететь нам с тобой...

КОВАЛЁВ. А как мы с ними общаться будем? Ты по-английски едва полсотни слов знаешь, я – вообще десять...

БЕЛОВ. Так эта самая Хелен, по-нашему Ленка, свободно по-русски говорит. Её предки когда-то в России жили. Ну, и Аннушка, вроде, кое-чего понимает. Не бойсь, если что, – я тебе потихоньку переводить буду...

КОВАЛЁВ. Ну, ты, Белов, и жук!..

БЕЛОВ. Не жук, а орёл!.. Так что быстрее хватай утюг – и вперёд! У нас с тобой на сборы полчаса осталось. Как говорил политрук дивизии, в глазах союзников мы должны быть безупречны. А уж в глазах союзниц – тем более...

Сцена пятая

Ресторан авиабазы Ледд-Фильд. На маленькой эстраде играет небольшая группа, местная звезда Мэри Бэст исполняет модный хит, под который танцуют друг с другом немногочисленные гарнизонные красотки, пытающиеся привлечь внимание пилотов. Но вечер только начинается, и кавалеры еще не разогреты и равнодушны. За одним из столиков сидят Толли и Скотт, негромко о чем-то разговаривая, наливая по второй. За другим столиком – Ангелов и Соколов. Первый задумчиво курит, а второй со знанием дела рассматривает танцующих девушек. За третьим столом – Ковалёв и Белов. Они ждут своих дам. И вот две красавицы в мундирах военных лётчиков США входят в зал и начинают осматриваться, привлекая общее внимание. Знакомый с ними по приёжке самолёта Вилли Скотт подсакивает и начинает, размахивая руками, жестами приглашать девушек к себе. Но они уже видят поднявшегося и приветствующего их Белова и направляются к столу русских. Навстречу им поднимается и Ковалёв.

БЕЛОВ. Добрый вечер, дорогие коллеги. Мы с вами уже знакомы, а это мой командир Алексей Ковалёв.

ХЕЛЕН. Очень приятно! *(Протягивает руку Ковалёву)*. Хелен.

ЭНН *(повторяя слова и жест Хелен)*. Очень приятно. Энн.

КОВАЛЁВ. Мы очень рады, что вы приняли наше приглашение.

ХЕЛЕН *(улыбаясь)*. Как мы могли отказать нашим союзникам, да ещё и в интересах общего дела...

БЕЛОВ. Просим к нашему скромному столу.

ХЕЛЕН *(усаживаясь)*. А он не такой уж и скромный.

ЭНН. О, ес!

БЕЛОВ. Как могли... *(Быстро открывает и разливает шампанское, бросает взгляд на Ковалёва).*

КОВАЛЁВ *(поднимаясь).* Я хочу предложить тост за содружество наших стран и победу над общим врагом! *(Все поднимаются).*

ХЕЛЕН *(пригубив бокал).* Я так давно не пробовала шампанского... Судя по всему, у советских лётчиков жалование значительно больше, чем у американских...

КОВАЛЁВ. Не жалуемся...

ЭНН. Это есть хорошо...

БЕЛОВ. Просто отлично, Аннушка!..

ХЕЛЕН *(возвращаясь к деловому тону).* Как я поняла, вас, коллеги, интересуют особенности пилотирования А-20 в условиях сверхнизких температур?..

БЕЛОВ. И не только это. Но давайте о работе чуть попозже. *(Поднимается).* Я предлагаю поднять тост за наших прекрасных союзников! По русской традиции, мужчины пьют стоя, девушки – до дна! *(Осушив бокал).* К слову сказать, Леночка, знаете ли вы, что ваша фамилия Смит переводится на русский как Кузнецова или Ковалёва?

ХЕЛЕН. Конечно же, знаю. У моей прабабушки она так и звучала...

БЕЛОВ. А значит у вас с Алексеем – она фамилия... Может быть, не слу... *(Получив тычок локтем от Ковалёва).* Да... а у нашей Анечки Дуглас фамилия – самая авиационная!

ЭНН. Да, это так.

БЕЛОВ. Вот за это всё я и предлагаю выпить!..

ЭНН. Ес, ес!

Ресторанный шум и музыка продолжают нарастать, и за ними уже не слышно, о чём говорят Ковалёв с Хелен и Белов с Энн, но заметно что парочки нашли друг друга.

В это время события в зале развиваются своим чередом. Соколов уже танцует с певицей Мэри Бэст под известную песню Фрэнка Синатры, которая звучит с пластинки. К Ангелову подседа другая американка и пытается его растормошить. Толли пытается сдержать Скотта, который вливает в себя одну порцию виски за другой и при этом то и дело недобро косится на Белова и Ковалёва.

В какой-то момент Белов поднимется, идет в оркестр, о чём-то разговаривает с музыкантами, берёт у одного из них гитару и подходит к микрофону.

БЕЛОВ. А сейчас, дорогие друзья, позвольте мне исполнить одну из наших фронтовых песен. Я дарю её замечательным американским летчицам Энн Дуглас и Хелен Смит!

Начинает звучать песня. Алексей Ковалёв поднимается и приглашает Хелен на танец.

Опускается ночь, боевые закончив полёты,
 Отражая на крыльях остывший осколок луны.
 От снарядов и пуль отдыхают в тиши самолёты,
 Нелегко погружаясь в военные чуткие сны.

Энн остается за столом, с интересом глядя на поющего Андрея. Услышав знакомую мелодию, Виктор Соколов тоже идёт в оркестр, берёт аккордеон и поддерживает Белова. Немного послушав, Мэри Бэст начинает подпевать им без слов. Ковалёв и Хелен сливаются в своём первом танце...

Им, наверное, небо без дыма и грохота снится,
 Где легко и свободно распахнутым крыльям парить,
 И мечтают украдкой железные добрые птицы
 Нас над мирной землёй в голубой высоте закружить.

Заметив, что Энн осталась одна, Толли хочет пригласить девушку на танец, но пьяный уже Скотт, отталкивая его, сам направляется к лётчице. Не слышно, что он ей говорит, но видно, что она отрицательно мотает головой. Тогда Скотт, грубо ухватив девушку за руку, тянет её за собой, но не на танцпол, а к своему столу. Толли пытается его остановить. Энн громко кричит: «Ноу! Ноу!..»

Только явь фронтовая глядят с высоты близоруко

И не видит за далью салюты грядущих побед...

Обрывая песню на середине куплета, Белов сует оркестранту его гитару и бросается в зал. За ним устремляется Соколов. Рванувшегося следом Ковалёва удерживает повиснувшая на нём Хелен. Белов ударяет Скотта, тот отлетает, бросается на Белова. Толли пытается остановить дерущихся, но попадает под руку Соколову. Оттолкнув назойливую американку, туда же устремляется Ангелов. Официанты пытаются защищать своих. Кто-то бьёт стулом по люстре. В темноте еще какое-то время раздаётся грохот и женский визг.

Разноцветные всполохи полярного сияния и яркий свет луны уже на улице освещают русских лётчиков, которые с видом победителей прикладывают снег к синякам и ссадинам. Им пытаются помочь Хелен и Энн. Мэри Бэст заботливо вытирает лицо Соколову.

БЕЛОВ (*поднимая лицо в небо и восхищенно глядя на сияние*). А красотища-то какая, ребята!

СОКОЛОВ (*не в тон Белову*). Красотища, и не говори!.. Где-то там ребята «мессеры» сбивают, а мы тут союзникам морды бьём! Эх, мне бы сейчас к Сашке Покрышкину!.. (*Горестно вздыхает, запахивает куртку, отстраняется от Мэри и уходит куда-то в ночь. За ним устремляются и все остальные*).

Сцена шестая

На экране – хроника воздушного боя Покрышкина. Кружится небесная карусель, режут моторы, горят и падают первые сбитые им на «Аэрокобре» немецкие самолёты. Но вместе с ними начинает дымить и один краснозвёздный самолёт.

Звучит «Песня истребителей».

Снова плёт на нас Берлин

Весь в крестах фашистский клин,

Значит, нам опять с тобою

Будет дело.
 Пусть летит воронья рать,
 Только нас не напугать –
 Есть у нас на их кресты
 Кресты прицелов.

Получай подарок фриц
 От столиц и от станиц
 И гори с фашистской сворой
 Окаянной.
 Мы тебе в один присест
 Обеспечим русский крест,
 Только вот не наградной,
 А деревянный.

Истребители совершают посадку на родной аэродром 16-го полка, и Покрышкин отдаёт рапорт подъехавшему на машине командиру полка Усаеву на фоне своего истребителя, у которого начинают возиться техники и оружейники.

ПОКРЫШКИН. Товарищ командир полка, разрешите доложить!

УСАЕВ. Докладывайте.

ПОКРЫШКИН. Боевое задание эскадрильи по сопровождению бомбардировщиков в указанный район выполнено. Среди бомбардировщиков потерь нет. При движении к району бомбометания, над нашей территорией мною сбит «Мессершмитт-109»...

УСАЕВ (обрывая). Знаю, наземная служба уже сообщила. Ты лучше расскажи, где и как младшего лейтенанта Петрова потерял?

ПОКРЫШКИН. Младший лейтенант Петров был подбит, но дотянул до нашей территории, приземлился – я сам проконтролировал.

УСАЕВ. А сбили почему?

ПОКРЫШКИН. На подходе к району бомбометания свалились сверху пятнадцать «мессеров», ну, мы и не успели сразу перестроиться...

УСАЕВ. Что значит «не успели»?!

ПОКРЫШКИН. А то, товарищ майор, о чём я вам уже говорил: нельзя истребителям двигаться с бомбардировщиками на одной скорости, как по вашему уставу положено.

УСАЕВ. Не по моему уставу, а по «Уставу истребительной авиации Военно-Воздушных Сил СССР»!

ПОКРЫШКИН. Мы же не летим – ползём, да ещё и будто канатом к бомберам привязанные – больше ста пятидесяти метров ни вверх, ни в сторону нельзя.

УСАЕВ. И правильно! Бомбардировщики, по уставу, должны каждую минуту видеть своими глазами прикрывающих их истребителей и чувствовать надёжную защиту!

ПОКРЫШКИН. А мы должны чувствовать себя мишенями для немцев?! Добровольно отдавать им преимущества в скорости и высоте?! Да если дать нашим летчикам на «Кобрах» оперативный простор – они...

УСАЕВ (*перебивая*). Устроят сплошной бардак!.. Вот для того и уставы существуют, чтобы бардака не было. И не тебе, Покрышкин, эти уставы менять. (*Заметив, что девушка-техник, нарисовав на самолёте новую звёздочку, девятую по счёту, начинает рисовать ещё одну*). А ты что там делаешь?

ТЕХНИК. Звёздочку рисую... десятую...

УСАЕВ. Какую-какую?!

ПОКРЫШКИН. Товарищ майор, разрешите доложить: в воздушном бою в районе бомбометания с упомянутой группой «Мессершмиттов-109» мною было сбито два самолёта противника. Ещё один самолёт сбил лейтенант Искрин. Это могут подтвердить лётчики первой эскадрильи...

УСАЕВ. Мало ли чего дружки твои нарасказывают – у меня, по уставу, подтверждение наземной службы должно на столе лежать.

ПОКРЫШКИН. Так вам, товарищ майор, теперь за подтверждением только к немцам придётся обращаться...

УСАЕВ. Ты мне поскаль еще зубы!.. Я сказал – засчитать один самолёт! Дождешься ты у меня, Покрышкин!..

Усаев зло разворачивается и уходит к машине. Покрышкин подходит к девушке-технику, которая грустно стирает почти нарисованную звезду, и успокаивающе трогает её за плечо.

ПОКРЫШКИН. Ничего, не горюй, мы с тобой ещё не одну звезду нарисуем.

Сцена седьмая

Авиабазы Ледд-Фильд. У кромки поля возле «Аэрокобры» стоят Мазурук и бригадный генерал Дэйв Гаффни, неподалеку от командиров ждет приказа Соколов – готовый к полёту. Он чуть отворачивается и незаметно прикрывает воротником синяк на скуле. В стороне курят, наблюдая за разговором начальников, Толли и Скотт. Поодаль от них стоит Ангелов. Здесь же перемещается, ненавязчиво пытаясь снять своей «Лейкой» стоящих рядом двух больших начальников, журналистка Сони Райт.

ГАФФНИ. Мы всегда, господин полковник, находили с вами понимание при решении технических проблем. Когда вы поставили нас в известность, что при полетах в условиях сверхнизких температурах замерзает жидкость в гидравлических системах самолётов, наши учёные в университете Фэрбенкса за две недели разработали добавки, устранившие эту проблему.

МАЗУРУК. Да, это так.

ГАФФНИ. Когда от морозов на самолётах стали разрушаться шланги и уплотнители...

МАЗУРУК. Мы передали вам советскую технологию морозостойкой резины...

ГАФФНИ. Да, и компания «Белл» тут же внедрила её в производство... Но... я просто не могу поверить вашему утверждению, что металлический стабилизатор «Аэрокобры» (*подходит к хвосту самолёта и с усилием пробует его погнуть*) может деформироваться по время полёта. Даже во время повышенных нагрузок.

МАЗУРУК. Тем не менее, изгиб и даже смятие хвостового оперения происходят. А дальше – заклинивание рулей, потеря управляемости и крушение... Как мы считаем, нагрузка на истребитель, выполняющие сложные фигуры пилотажа в условиях реального боя, значительно

превосходит ту, которой самолёты подвергаются при ваших заводских испытаниях.

ГАФФНИ. А может, это ваши неопытные лётчики, курс подготовки которых, я знаю, очень мал, списывают разбитые из-за собственных ошибок самолёты на качество наших машин?

МАЗУРУК. Хорошо, не верите мне – послушайте практика. *(Повернувшись к Соколову)*. Старший лейтенант, ко мне!..

СОКОЛОВ. Есть! *(Отдав честь, подходит строевым шагом к комдиву)*.

МАЗУРУК *(представляя подошедшего)*. Старший лейтенант Соколов, опытный боевой лётчик, имеет на счету семь сбитых «Мессершмиттов-109».

ГАФФНИ. О, поздравляю! *(Жмёт руку Соколову)*. По американским меркам, вы – большой асс...

МАЗУРУК. Соколов, вы можете подтвердить, что были свидетелем крушения «Аэрокобры» на учебно-испытательном аэродроме Иваново из-за деформации хвостового стабилизатора?

СОКОЛОВ. Так точно, после выполнения виража на максимальной скорости, произошел сильный изгиб и полное заклинивание стабилизатора...

ГАФФНИ *(посмеиваясь, с намёком на синяк)*. Судя по вашему лицу, вы были не только свидетелем инцидента, но и его непосредственным участником...

СОКОЛОВ. Так точно, то есть, никак нет, господин генерал...

ГАФФНИ *(снова делая серьёзное лицо)*. Как нам доложили руководители авиафирмы «Белл» после проверки ваших претензий, все детали самолётов изготавливаются в полном соответствии с расчётами конструкторов этой фирмы, с большим запасом прочности... У меня нет основания не верить нашим поставщикам.

МАЗУРУК. Тогда у меня остается только одна возможность изменить ваше мнение...

ГАФФНИ. Какая, господин полковник?

МАЗУРУК *(отдавая приказ)*. Старший лейтенант Соколов, предъявите господину генералу нашу аргументацию!

СОКОЛОВ. Есть, товарищ комдив!

Соколов бежит к самолёту, застёгивает парашют, садится в кабину и взлетает в воздух. На экране появляется киносъёмка самолёта,

выполняющего фигуры высшего пилотажа. Ревёт на форсаже двигатель «Аэрокобры». Люди на земля пристально смотрят в небо. Каждый – со своими эмоциями. Скотт – с нескрываемой неприязнью, Толли – с сопереживанием, уже забыв вчерашнюю обиду.

МАЗУРУК. Молодец, старлей, давай, давай!

АНГЕЛОВ. Вот это карусель!

СОНИ (*восторженно щёлкает фотокамерой*). Колоссально! Супер!

ГАФФНИ. Настоящему ассу никакие «деформации» не страшны. Я же говорил, отличный самолёт...

И в это время «Кобра», вместо выхода из очередного крутого пике, вдруг напрямую устремляется к земле.

АНГЕЛОВ. Вот оно, вот – заклинило, заклинило, мать твою!..

ТОЛЛИ. Управление отказало!

СОНИ. О, май Гот! (*Выпуская из рук фотоаппарат и закрывая лицо руками*). О, май Гот!

МАЗУРУК (*будто лётчик может услышать его*). Прыгай, прыгай старлей!

ГАФНИ. Неужели, о Боже?..

МАЗУРУК. Да прыгай же, дурак! Не о самолёте уже, а о себе думать надо!

Соколов до конца пытается вывести «Кобру» из пике, и только в последний момент покидает самолёт. В небе расцветает купол парашюта. И почти сразу же гремит взрыв. Журналистка съёживается еще сильнее, но потом открывает глаза и радостно, с криком «Ес! Ес!» подпрыгивает в воздух, срывается с места и начинает на бегу снимать парашютиста. Следом за ней все, включая и генерала с полковником, кроме Скотта, тоже бегут к месту приземления лётчика. Туда же спешат санитары с носилками. К остаткам горящего самолета с воем несётся пожарная машина.

Хромая на одну ногу, Соколов бредёт всем навстречу.

СОКОЛОВ (*отдавая честь*). Разрешите доложить, товарищ полковник... На выходе из...

МАЗУРУК (*прерывая и обнимая его*). Не надо ничего докладывать, мы всё сами видели. Потом расскажешь. Слава Богу, что жив! Чего не прыгал-то сразу, герой, мать твою!..

ГАФФНИ Что у вас с ногой, лейтенант?

СОКОЛОВ. Да, похоже, зашиб немного. Тоже небольшой косячок вашей «Кобрушки»... У неё же дверцы – как у машины. На земле садиться и вылезать, конечно, очень удобно, а вот в воздухе – в два счёта о свой же хвост убьёшься... Вот и зацепило...

ГАФФНИ. Да, да, мы этот недостаток тоже учтём... (*Повернувшись к санитарам*). На носилки его быстрее, на машину и в госпиталь!

СОКОЛОВ. Да не надо товарищ, генерал...

МАЗУРУК. Давай-давай, в госпиталь!

СОНИ. Момент, ван момент, посмотрите на меня, лейтенант! (*Начинает щёлкать камерой*). Улыбка, улыбка, чи-и-с! Замечательно! (*Бежит рядом с носилками*). Я навещу вас в госпитале, лейтенант. Вы настоящий герой! Это будет сенсационный репортаж!..

Сцена восьмая

В командном пункте 16-го истребительного полка за столом сидит майор Усаев, держит в руках какую-то бумагу и довольно потирает руки. Перед ним на столе – бутылка коньяка, плитка шоколада и хрустальная коньячная рюмка на маленьком подносике – далёкое эхо ресторанный директорства.

УСАЕВ (*не скрывая удовольствия*). Вот и попался наш герой! Хорошо попался!.. (*Читает вслух*). «Командиру 16-го полка майору Н.В.Усаеву. Срочно! В связи с происшедшим инцидентом в городе Дербенте, куда вами для получения новой техники был откомандирован капитан А.И.Покрышкин, и решением вопроса о передаче его дела в Бакинский военный трибунал, просим вас незамедлительно представить служебную и партийную характеристики А.И.Покрышкина. Для сведения сообщаем, что А.И.Покрышкин оскорбил старших по званию офицеров и стал зачинщиком массовой драки на территории военного гарнизона города

Дербента...» *(Положив бумагу, не сдержав радостных эмоций, подскакивает из-за стола, наливает в рюмку и со знанием дела пьёт коньяк, затем начинает ходить, размышляя вслух)*. Отлично!.. Напишем мы ему характеристики! И по служебной линии напишем, и по партийной тоже, поскольку комиссар наш Погребной – в госпитале, а единственный его заместитель – командир полка Усаев... Начальник штаба, думаю, визу охотно поставит, начальник особого отдела тоже подпишет – он давно к нашему ерепенистому соколу присматривается... Пока комиссара нет, поставим вопрос на партбюро об исключении из партии. И представление на Героя завтра же отзовём... *(Садится и берёт в руки ручку)*. Так... Главных моментов у нас... *(загибает пальцы)* оскорбления старших командиров – раз, пререкания с начальством – два, нарушения требований устава истребительной авиации – три, пропаганда западной и вражеской техники – четыре... Думаю, для трибунала вполне хватит... Был герой-капитан Саша Покрышкин – и нету героя-капитана... Зато будет ещё один рядовой штрафного батальона... Се ля ви... *(Наливает и пьёт коньяк, смакуя)*.

Сцена девятая

Авиабазы Ледд-Фильд. Перегонщики Ковалёв и Белов направляются на лётное поле, чтобы осмотреть свой самолёт перед вылетом. Навстречу им идут Хелен и Энн, явно чем-то обеспокоенные, отвечая на традиционный «Привет!» без обычных американских улыбок. Лётчики замечают это.

БЕЛОВ. А чего, Незабудки, такие грустные? Или тоже досталось за ресторан и недостойное поведение ваших новых знакомых?

ХЕЛЕН *(улыбаясь)*. Отделались отеческим замечанием генерала, у нас же нет политруков и комиссаров...

БЕЛОВ. Бедные, воспитывать некому...

КОВАЛЁВ. А если всерьёз, то мы приносим свои извинения...

ХЕЛЕН. Не стоит. Это было замечательное приключение – всё так по-русски. Думаю, моя прабабушка была бы довольна.

ЭНН. Ес, ес. Всё заме... *(старательно выговаривает)* замечательно!

БЕЛОВ. А чего тогда печалимся?

ХЕЛЕН (*вздыхнув*). Ваш самолёт... (*Ведёт лётчиков куда-то на возвышение*). Пойдёмте туда...

ЭНН. Он не может больше лететь... Ноу...

КОВАЛЁВ. Как, почему? Куда он делся?

ХЕЛЕН. После подготовки самолёта для передачи, у технической службы возник один вопрос, и они решили выполнить пробный полёт. А в это время на аэродром села «летающая крепость»...

БЕЛОВ. Да, мы слышали, тут рёв такой стоял от двигателей...

ХЕЛЕН. «Крепость» при посадке повредила на полосе несколько бетонных плит. Такое у нас и раньше случалось...

ЭНН. Посадка сразу (*показывает крест руками*) закрывать...

КОВАЛЁВ. И куда же сел наш бомбер?

ХЕЛЕН (*показывая*). Во-он туда. На косу у моря... У них не было горючего, чтоб долететь до ближнего аэродрома... Вон там, у кромки льда, видите...

КОВАЛЁВ. Вижу. И в чём проблема? Сделают полосу – и перегонят назад.

ЭНН. Полоса готова. О`кей... Бат, но...

ХЕЛЕН. С косы невозможно взлететь. Она слишком коротка, и там большой угол крена... Экипаж отказался взлетать. И мы... мы тоже не сможем это сделать...

ЭНН. Ноу, ноу! Никак невозможно!

БЕЛОВ. Вот так дела! И на кой чёрт они взлетали!..

КОВАЛЁВ. А что решило ваше командование?

ХЕЛЕН. Разбирать самолёт на части, вывозить на базу и снова собирать. Мы завтра возвращаемся в Грейт Фоллз, а вам придётся ждать... Очень жаль.

БЕЛОВ. Это сколько же мы теперь тут проторчим?!. На фронте машину ждут, а мы будем загорать по чьей-то милости!

ЭНН. Аласка за-го-рать ноу. Вэри колд...

КОВАЛЁВ. А когда разбирать начнут?

ХЕЛЕН. После обеда.

КОВАЛЁВ (*внимательно глядя на берег моря и обращаясь к Белову*). Слышь, штурман, а мне, кажется, в голову одна мыслишка пришла...

Сцена десятая

Камера гауптвахты в гарнизоне Дербента. Зарешеченное окно без стекла. Покрышкин сидит над общей тетрадью, рисуя в ней схемы воздушного боя. Оторвавшись от листка, проигрывает какие-то воздушные ситуации руками и снова что-то вычерчивает. Внезапно за решеткой раздаётся чей-то негромкий голос.

ГОЛОС. Саша, Сашка, ты здесь?

ПОКРЫШКИН (*подходя к решётке*). Здесь... Это ты, что ль, Вадим?

ГОЛОС. Я... Мы с ребятами поесть тебе собрали... (*Просовывает сквозь решётку какой-то свёрток*).

ПОКРЫШКИН (*принимая свёрток*). Спасибо... Да не стоило беспокоиться. Тут кормят...

ГОЛОС. Знаем мы, как на гауптвахте кормят... Как ты там?

ПОКРЫШКИН. Нормально...

ГОЛОС. Ты... это... держись... Мы вот что с ребятами решили, если они тебя завтра не выпустят, пойдём всем лётным составом в комендатуру и снесём к чёрту их богадельню. Покажем, как боевых лётчиков за решёткой держать!

ПОКРЫШКИН. Не надо, Вадим, не вздумайте! Еще хуже будет, в том числе и для меня. Нас же тут никто не знает, им что истребители, что водовозы. А так, может быть, до трибунала меня хоть в свой полк отпустят... Ну, а если уже не получится... Я тебе, Вадим, тетрадку свою... (*подходит к решётке и просовывает сквозь неё свою заветную тетрадь с синей обложкой*) передать хочу. Тексты написать не все успел, а схемы сделал до конца. Думаю, разберётесь...

ГОЛОС. Как выйдешь, Саня, я тебе её сразу верну...

ПОКРЫШКИН. Не уверен, что выйду... После трибунала мне уже неба не видать, а тетрадка эта, может, хоть кого-то спасёт, особенно, молодых. Там вся боевая работа истребителя по полочкам разложена – прикрытие, сопровождение, разведка, свободная охота. И главная формула воздушного боя: высота, скорость, манёвр, огонь... И ещё... «Аэрокобра» машина хорошая, надёжная, маневренная. Но вдалбливай всем в голову, что летать на ней надо аккуратно – чуть передал педаль на глубоком вираже – и всё –

сорвешься в штопор. Не успеешь за полсекунды вывести – и каюк! – никакого «мессера» не надо...

ГОЛОС. Да я уже сам в такой переделке побывал, еле успел перед самой землёй самолёт выправить...

ПОКРЫШКИН. Вот-вот, вы-то, старые волки, об этом знаете, а молодые – нет. А когда узнают в воздухе – поздно будет. Берегите их... Ну, давай, старик, прощай, не поминай лихом... Удачных тебе боёв!

ГОЛОС. Да погоди ты прощаться, мы ещё тебя отсюда вытащим! Мы ещё вместе повоюем! Держись, Покрышкин! (*Просовывает руку в решётку*). Дай пять! (*Ударяет Покрышкина ладонью по ладони*). А всё-таки здорово мы этим засранцам из 298-го полка и всем тыловым крысам вломили!

ПОКРЫШКИН (*безрадостно*). Здорово...

Сцена одиннадцатая

Гостиница военных лётчиков на базе Ледд-Фильд. Соколов сидит на кровати и вслух обсуждает ситуацию, в которой он оказался из-за травмы ноги. Рядом на кровати лежит баян, который он взял у кого-то в гостинице.

СОКОЛОВ (*сетуя*). Нога эта проклятая не вовремя – от своих отстал, теперь с другой группой лететь придется... Валяюсь тут на кровати, а кто-то на фронте немцев бьёт. Покрышкин, наверное, уже второй десяток распечатал. Эх, ребятки, оказаться бы мне сейчас рядом с вами, ангелы вы мой краснозвёздные...

Берёт баян и, подыгрывая себе, поёт песню «Русские ангелы».

Упав с поднебесия,
Мы птицами грозными
В атаках стремительных
Пронзаем закат.
Мы русские ангелы
С кремлёвскими звёздами,

Но в каждом сражении
Сам чёрт нам не брат.

Мы добрые ангелы,
Мы ваши хранители,
Мы ваши спасители
И ночью, и днём...

Открывается дверь и в номер заходит журналистка Сони Райт, явно слышавшая песню из коридора. Соколов обрывает пение, ставит баян на кровать, поднимается навстречу.

СОНИ. Привет, красавчик!

СОКОЛОВ. Привет!

СОНИ (*сходу подавая пакет с апельсинами*). Думала навестить в госпитале, а ты уже, оказывается, оттуда сбежал. (*Доставая следом из сумки и протягивая несколько фотографий*). А вот твоё запечатлённое геройство.

СОКОЛОВ (*рассматривая снимки*). Ох ты, какие фотокарточки классные. В Якутск вернусь – родителям отправлю... За апельсины – отдельное спасибо!..

СОНИ. На здоровье! В следующий раз прилетишь, надеюсь, журнал с твоим фейсом подарю.

СОКОЛОВ. Да чего вы стоите, проходите, садитесь.

СОНИ. А ты хорошо поёшь.

СОКОЛОВ. Да так, любительство. Взял тут у ребят инструмент – поиграть от нечего делать...

СОНИ (*раскладывая на столе большой блокнот, доставая авторучку*). Ну, я сейчас найду тебе дело, будешь апельсины отрабатывать.

СОКОЛОВ. Всегда готов.

СОНИ. К слову сказать, я только что от другого героя. С вами, русскими, не соскучишься...

СОКОЛОВ. Что ещё за герой?

СОНИ. Ковалёв, с бомбера А-20.

СОКОЛОВ. А чего он такого сотворил?

СОНИ. Представляешь, наши «ассы» умудрились вчера его бомбер на кривую косу посадить. И разбежались от страха, как койоты. А Ковалёв сел в бомбер и заехал на нём с косы на льдину припая. Льдина эта, представляешь, прямо в море обрывается, да и длиной-то всего метров пятьсот!..

СОКОЛОВ. И взлетел?!

СОНИ. Взлетел! В-одиночку! Штурману приказал на земле остаться, чтоб двоим не рисковать. Над самыми волнами прошёл, даже стёкла кабины водой залило. Но взлетел! Вот герой! Я еле успела туда на джипе подскочить, но зато такие снимки сделала!.. Прямо в момент отрыва! Но главный снимок – вот он. *(Достаёт и показывает большую фотографию, на которой не сдержавшаяся Хелен целует героя-Ковалёва после приземления).* На обложку нашей «Северной звезды» пойдёт, а может, даже в «Лайф» возьмут! Скажи, класс?!.

СОКОЛОВ *(беря фото).* Да, класс... Победа по всем фронтам!

СОНИ. Да не горюй, красавчик, ты ещё покруче его!.. Но хватит болтать, Виктор, давай работать. *(Снова берёт ручку).* Итак, самый главный вопрос, который у меня родился сегодня. Если вы, русские пилоты, такие смелые и умелые, такие герои, то почему немцы бьют вас в воздухе, как куропаток?

СОКОЛОВ *(озадаченный и возмущённый столь неожиданным вопросом).* Как это – «как куропаток»?!

СОНИ. А так. Вот ты, по словам вашего полковника, сбил семь «Мессершмиттов», получил два ордена, и очень тем гордишься...

СОКОЛОВ. Почему бы и нет...

СОНИ. За десять самолётов у вас, кажется, получают звезду Героя – высшую награду России.

СОКОЛОВ. Да, получают.

СОНИ А вот, к примеру, *(заглядывая в записную книжку)* Гюнтер Ралль уже полгода назад сбил на Восточном фронте 100 самолётов, ещё раньше это сделал Гернер Мюлдерс. И таких ассов у немцев *(начинает перечислять, загибая пальцы)* Баркхорн, Киттель, Ралль, Крупински, Новотны, Штайнхоф, Мюлдерс... – да уже десятка два-три. А твой ровесник Ганс Марсей вообще сбил за один день 17 самолётов, всего же на его счету 152... Чем ты объяснишь такие цифры?

СОКОЛОВ *(задумавшись).* Чем объясню... Думаю, тем, что большинство этих немцев до нас уже отвоевали в воздухе года по два, имели хороший

боевой опыт и летали на более современных самолётах. Мы не ждали их нападения, и самые главные потери были в первые недели войны. Не велика честь сбивать не нюхавших пороха молодых ребят на тихоходных «ишачках», а то и жечь их прямо на земле...

СОНИ. Но сейчас-то у России за спиной уже полтора года войны? Где же ваши русские асы?

СОКОЛОВ. Они уже есть, и ничем не хуже немцев, даже получше. Но мы воюем по-другому. Для нас главное – не личный счёт сбитых самолётов, а выполненное боевое задание – сопровождение бомберов, штурмовка, поддержка наземных войск. Это «мессеры» шныряют по небу, как немецкие ищейки, выискивая самых слабых и нападая из-за спины, а мы...

СОНИ. А вы честно караулите друзей и хозяев, сидя на цепи, как и положено настоящим русским медведям...

СОЛОВЬЕВ. Умешь же ты подковырнуть!

СОНИ (*смеется*). Извини, такая профессия!.. Но можешь ты мне, в конце концов, назвать хоть одного русского асса, имя которого будет греметь на весь мир?

СОКОЛОВ. Пожалуйста, – Александр Покрышкин! (*Глядя, как она записывает имя и фамилию в блокнот*). И ещё одного запиши... Виктор Соколов.

СОНИ. Ты, лейтенант Соколов, всегда такой наглый, или только с девушками?

СОКОЛОВ (*беря в руки баян*). Только с девушками и «мессершмиттами»... (*Поёт свою «Песню сталинского сокола»*).

Снова сталинского сокола
 Небеса зовут высокие,
 И девчонки ясноокие
 Все вздыхают дружно вслед.
 Ухожу я на задание,
 Подтверждая это звание:
 И в боях, и на свиданиях
 Я немислим без побед.

Ты помаша мне вслед
 И пожелай побед.
 Твой поцелуй в душе
 Я сберегу.
 Но ты прости меня,
 Любви вечной я,
 Пообещать в боях
 Я не смогу!

Возвращусь с небес из боя я,
 Прицеплю Звезду Героя я,
 Видел сверху под собою я
 Столько девушек в цвету...
 Не для сталинского сокола
 Зря ходить вокруг да около:
 Не встречает синеокая,
 Кареглазую найду!..

СОНИ *(начиная таять перед неотразимым красавчиком)*. Мне сейчас нужно передать текст в редакцию, а вечером мы могли бы продолжить беседу...

СОКОЛОВ. Конечно-конечно, я так много мог бы ещё вам рассказать. Тем более, что вылет у меня только через два дня.

СОНИ *(поднимаясь, укладывая в сумку блокнот и ручку)*. Тогда до вечера!

СОКОЛОВ *(вслед)*. До вечера, Сонечка. *(Победно распахивает меха баяна)*.

Не для сталинского сокола
 Зря ходить вокруг да около:
 Не встречает синеокая,
 Кареглазую найду!..

Сцена двенадцатая

У кромки лётного поля 16-го авиаполка стоит майор Усаев. Слышится звук приземлившегося самолёта, к майору подходит исхудавший и потерянный Покрышкин.

ПОКРЫШКИН. Товарищ майор, разрешите обратиться...

УСАЕВ (*с ухмылкой*). Обращайтесь...

ПОКРЫШКИН. Капитан Покрышкин для дальнейшего прохождения службы прибыл.

УСАЕВ. Что, отпустили до трибунала?

ПОКРЫШКИН. Так точно.

УСАЕВ. Вот, Покрышкин, не слушал ты меня, грубил, на уставы плевать пытался, ну, и получил своё... Сколько бы ниточка ни вилась – конец будет...

ПОКРЫШКИН (*еле сдерживая себя*). Разрешите приступить к службе, товарищ комполка.

УСАЕВ. А мы тебе ещё её не определили. Потерпи чуток, послушай старшего по званию и должности... Так вот, на время нахождения под следствием вы, капитан Покрышкин, отстранены от полётов и от командования эскадрильей, поэтому попрошу вас передать свой самолёт младшему лейтенанту Васильеву.

Даром кормить мы вас тоже не собираемся, и с сегодняшнего дня вы временно поступаете в распоряжение начальника ремонтной группы полка лейтенанта Сидорова...

ПОКРЫШКИН. Разрешите исполнять!

УСАЕВ. Не спешите, капитан Покрышкин, дослушайте, пожалуйста. Вас уже поставили в известность о решении партийного бюро полка?

ПОКРЫШКИН. Так точно.

УСАЕВ. Хорошо. Тогда попрошу сдать ваш партийный билет комиссару полка капитану Погребному, который завтра возвратится из госпиталя... Вот теперь можете исполнять все распоряжения.

ПОКРЫШКИН. Есть...

Отвернувшись от Покрышкина, полностью отыгравшийся на своем «враге» Усаев не может скрыть довольной улыбки.

Сцена тринадцатая

«Клин» истребителей «Аэрокобра» во главе с лидером-бомбардировщиком А-20, экипаж которого хорошо знает маршрут, уже третий час летит на плече Сеймчан – Якутск, находясь в этот момент над горами Оймяконья – в сплошном морозном тумане. У «Кобры» Соколова полностью затянуло инеем лобовое стекло, пилоту тяжело дышится от нехватки кислорода. Чтобы не потерять концентрации и не заклевать носом, он негромко затягивает «Песню перегонщиков Алсиба».

СОКОЛОВ.

По небесам неведомым,
 Платя за смелость бедами,
 Летели сквозь метели мы
 Среди полярной тьмы.
 Но два далёких берега –
 Россию и Америку
 Навек своими крыльями
 Соединили мы.

Услышав пение Соколова в своих наушниках, остальные пилоты «клина» тоже подхватывают песню, и в эфире, сквозь треск и шум радиопомех, начинает звучать небесный хор.

Пусть ассов не сбивали мы
 И в небе не сгорали мы,
 Пускай таран отчаянный
 Никто не совершил,

Но бились мы с морозами,
Буранами и грозами,
И в этой схватке яростной
Не каждый победил.

Не прерывая песни, Соколов пытается одной рукой очистить от инея затянутое окно. И в этот момент двигатель истребителя вдруг меняет звук и начинает терять мощность.

СОКОЛОВ (встревоженно стуча по стеклам приборов). Температура полезла... «Кобрушка», милая, что с тобой?.. «Кобрушка», не надо так...

Лётчик смотрит еще раз на приборы и выходит на связь с лидирующей машиной.

СОКОЛОВ. «Лидер», «Лидер», ответьте «Седьмому».

ЛИДЕР. «Лидер» на связи.

СОКОЛОВ. «Я – «Седьмой», докладываю. Нештатная ситуация. Резко повышается температура охлаждающей жидкости. Падает давление в масляной системе. Двигатель теряет мощность.

ЛИДЕР. «Седьмой», за бортом аномальное понижение температуры до минус семидесяти градусов. Возможно, у вас загустело масло или начал перемерзать маслопровод или масляный радиатор. Попробуйте поменять режим работы двигателя, увеличьте обороты.

СОКОЛОВ. «Лидер», я – «Седьмой». Изменение режимов не помогает. Температура растёт, давление ниже нормы. Ощущается сильная вибрация двигателя и запах гари.

ЛИДЕР. «Лидер» – «Седьмому». Приказываю: во избежание заклинивая двигателя и пожара, уменьшайте обороты до минимальных и идите на вынужденную. Вы слышите меня, «Седьмой»?

СОКОЛОВ. «Лидер», слышу вас хорошо. Приказ понял.

ЛИДЕР. «Седьмой», прямо по курсу на расстоянии 20 километров – озеро в горной долине. Приказываю совершить посадку на озеро и доложить о приземлении.

СОКОЛОВ. «Лидер», вас понял. Иду по курсу со снижением. Высота тысяча метров. Озеро пока не вижу из-за сильного тумана.

ЛИДЕР. Держитесь на курсе.

СОКОЛОВ. Вас понял... Высота пятьсот метров... Триста метров...Вижу, вижу озеро... Иду на посадку...

Шум двигателя стихает, потом исчезает совсем, слышится только свист крыльев в воздухе. Самолет приземляется на заснеженное озеро, катится к берегу и резко тормозит, зарываясь в снег. Соколов бьется головой о приборную доску, на мгновение теряет сознание, но тут же приходит в себя.

ЛИДЕР. «Седьмой», «Седьмой», я – «Лидер», доложите о приземлении.

СОКОЛОВ. Я – «Седьмой», приземлился нормально, повреждений и травм нет.

ЛИДЕР (с облегчением). Слава Богу!.. «Седьмой», завтра к вам будет выслана аварийно-спасательная группа. Держитесь! До связи!

СОКОЛОВ. До связи.

Соколов распахивает дверцу своей «Кобры» и тонет в снегу. Самолёт стоит почти у самого конца длинного и узкого озера, на которое быстро опускаются сумерки. Лицо пилота обжигает пятидесятиградусный мороз. Ему то ли чудится, то ли это действительно так, но вдалеке раздаётся волчий вой. Летчик достаёт из самолёта пистолет, дополнительную обойму и сует их в карманы мехового комбинезона.

СОКОЛОВ. Срочно нужен костёр, иначе до утра не дотяну. Надо пойти к берегу и принести оттуда дров. Бензин и спички есть, костёр разведу. Еда тоже в «НЗ» есть. Нужны только дрова, дрова...

Прокладывая дорогу в глубоком снегу, он добирается до берега, углубляется в лес, начинает обламывать сухие сучья, вытаскивать из-под снега валёжины. И тут волчий вой раздаётся совсем рядом. В сумерках вспыхивают горящие звериные глаза, и лётчик видит, что звери пытаются окружить его со всех сторон.

СОКОЛОВ. Волки! Волки!.. Ничего, сейчас я вам покажу! Не на того нарвались!

Лётчик выхватывает пистолет и делает несколько выстрелов в разные стороны, одновременно пытаясь тащить дрова и отступить к самолёту. Но, судя по всему, голодных зверей, уже почуявших добычу, это не останавливает. Они все больше сужают свой круг, перекрывая человеку путь к спасительной «Кобре».

СОКОЛОВ (расстреляв одну обойму и едва ранив одного или двух зверей из огромной стаи). Сволочи, от самолёта отрезают, фашисты! Получайте, гады, получайте!

Соколов вставляет новую обойму, но, еще пять выстрелов – и она тоже заканчивается. А прорваться к самолёту так и не удалось. В воздухе повисает мертвая тишина, а затем – ликующий волчий вой и рык. Лётчик вытаскивает нож, прижимается спиной к дереву, но понимает, что он уже погиб.

СОКОЛОВ (в отчаянье). Нет! Нет! Только не так, не так!

И в этот момент откуда-то из-за его спины раздаётся несколько выстрелов, и после каждого скулят и бьются в агонии смертельно раненные волки. Какой-то человек невысокого роста в меховой одежде и шапке ухватывает лётчика за руку и тянет за собой вглубь леса, отстреливаясь он преследующих их волков.

Сцена четырнадцатая

Зимний Якутск. Ночь в общежитии русских лётчиков. На одной из кроватей, долго ворочаясь, видно о чём-то думая, никак не может заснуть Алексей Ковалёв. Наконец он погружается в чуткий сон. И почти сразу перед глазами Алексея появляется Хелен. Но она почему-то в белой одежде и идёт не по земле, а по облакам. И не просто идёт, а читает стихотворение Константина Симонова «Жди меня».

ХЕЛЕН.

Жди меня, и я вернусь.

Только очень жди,

Жди, когда наводят грусть

Желтые дожди,

Жди, когда снега метут,

Жди, когда жара,

Жди, когда других не ждут,

Позабыв вчера.

Пусть поверит даже мать

В то, что нет меня,

Пусть друзья устанут ждать,

Сядут у огня,

Выпьют горькое вино

На помин души...

Жди. И с ними заодно

Выпить не спеши...

КОВАЛЁВ (*протягивая руки во сне к девушке и не сразу просыпаясь*). Хелен! Елена!.. Я... Я буду ждать... (*Наконец, понимая, что это сон*). Да... только во сне такое привидится... «Жди меня...» Она же этого стихотворения в своей Америке, наверное, никогда и не слышала... «Жди меня»... (*Растревожено встаёт с кровати, подходит к промёрзшему окну, закуривает в темноте*).

Аэродром 16-го истребительного полка. На краю поля, у «Аэрокобры» сидит на корточках «безлошадный» Покрышкин и, неодобрительно качая головой, закрашивает заделанные заплатками многочисленные пробоины на фюзеляже своего бывшего истребителя с номером «13». Слышится гул приземлившегося самолёта. Судя по всему, прилетел кто-то из высокого начальства, поскольку майор Усаев, видимо, только что получивший сообщение по радию, почти выбегает на аэродром. И точно – навстречу ему идёт командующий 4-й Воздушной армией генерал-майор Вершинин. Увидев подошедшего генерала, Покрышкин тоже вытягивается по стойке «смирно» с кистью и в руке. Генерал неодобрительно косится на лётчика взглядом.

УСАЕВ. Здравия желаю, товарищ генерал-майор!

ВЕРШИНИН. Здравия желаю, товарищ майор.

УСАЕВ (*лихо рапортует*). Разрешите доложить, товарищ командарм! Вверенный мне в подчинение 16-й истребительный полк выполняет поставленные перед ним боевые задачи, первая эскадрилья...

ВЕРШИНИН (*останавливая*). Достаточно, достаточно...

УСАЕВ (*переходя на менее формальный и более заискивающий тон*). Рады видеть вас, товарищ командующий, в нашем полку. Прикажете показать наше хозяйство? Или, может, сначала пообедать? Время-то как раз... (*Показывает на циферблат часов*).

ВЕРШИНИН (*строго*). Да я вообще-то сюда не обедать прилетел...

УСАЕВ (*мгновенно реагируя*). Простите, виноват, товарищ генерал!

ВЕРШИНИН (*продолжая*)... а лично увидеть капитана Покрышкина.

УСАЕВ (*мгновенно*). Капитан Покрышкин, ко мне, быстро!

ПОКРЫШКИН (*бросая кисть, подбегая и отдавая честь генералу*). Здравия желаю, товарищ командарм!

ВЕРШИНИН (*строго*). Здравия желаю... товарищ нарушитель. (*Открывает полевую сумку, достаёт и листает синюю тетрадь Покрышкина*)... Так, значит, – высота, скорость, манёвр, огонь?

ПОКРЫШКИН (*поначалу отшатнувшись при виде собственной тетради в руках генерала, но потом решив, что ему всё рано уже нечего терять*). Так точно, товарищ командарм!

ВЕРШИНИН (*строго*). И устав истребительной авиации безнадежно устарел, и летать давно надо не звеньями, а парами? И бои вести совсем по-другому? И конструкторов самолётов нам с вами учить надо?..

ПОКРЫШКИН (*с вызовом*). Так точно, товарищ генерал!

УСАЕВ (*Вершинину, осуждающе кивая на Покрышкина*). Вот видите, товарищ генерал...

ВЕРШИНИН. Я вижу, капитан Покрышкин у вас в маляры переквалифицировался...

УСАЕВ. На время нахождения следствия, до трибунала...

ВЕРШИНИН. Дело капитана Покрышкина нами из трибунала отозвано. С сегодняшнего же дня восстановить его в должности! И в партии тоже.

УСАЕВ. Будет сделано, товарищ генерал.

ВЕРШИНИН. Думаю, после всего, что произошло (*выразительно смотрит на Усаева*), вам будет трудно служить в одном полку. Поэтому, капитан Покрышкин, у меня есть для вас предложение. Мы формируем в составе вашей дивизии полк новых истребителей Ла-5, и я предлагаю вам место заместителя командира полка...

ПОКРЫШКИН. Товарищ генерал... Ла-5 – хорошие машины, но я уже, можно сказать, сросся со своей «Аэрокоброй», а коней на переправе не меняют. Да и ребят своих не смогу оставить...

ВЕРШИНИН. Дело твоё, капитан... Но тогда хоть номер на своей «Кобре» поменяй, а то он какой-то не больно счастливый...

ПОКРЫШКИН. Будет сделано, товарищ генерал.

УСАЕВ. Товарищ командарм, у меня тоже место заместителя командира полка только что освободилось, может...

ПОКРЫШКИН. Спасибо, товарищ майор, я уж лучше своей эскадрильей покомандую...

ВЕРШИНИН (*Усаеву*). Вы можете быть свободны, майор.

УСАЕВ. Есть! (*Уходит*).

ВЕРШИНИН (*обращаясь к Покрышкину, беря его под локоть, возвращая тетрадь и неспеша шагая вдоль кромки поля*). А мы с тобой, бунтарь, немного погуляем. Я вчера полночи над твоей тетрадкой просидел и вот что решил: завтра к 15.00 прилетишь в штаб армии, а я соберу туда всех командиров полков и наших штабных мудрецов. Доложишь, как есть. Твой опыт надо срочно внедрять... Устав истребительной авиации мы сами,

конечно, поменять не можем, но обратимся с предложением в штаб Верховного Главнокомандующего. Надеюсь, там откликнутся... А теперь расскажи-ка мне, капитан, что за «этажерку» небесную ты ещё придумал...

Сцена шестнадцатая

Оймяконье. Ясный и не очень морозный день. Охотничье зимовье неподалеку от озера, где совершил вынужденную посадку Соколов. Звучит музыкальная тема «Сталинского сокола». Открывается дверь и на крыльцо выходит молодая симпатичная охотница Октябрина, которая и выступила позавчера спасительницей Соколова. Девушка украдкой достает обломок зеркала, смотрится в него, прихорашиваясь. В это время раздаётся нарастающий гул самолетных моторов.

ОКТЯ (кричит, распахивая дверь зимовья). Би-и-ктор, Би-и-тенька! Самолётка! Самолётка прилетел! Турганник!

СОКОЛОВ (выглядывая из двери в одной рубахе). Точно, самолет! Наши прилетели, за мной! Давай, Октя, скорей на озеро!

Летчик и охотница быстро одеваются и бегут по тропинке к истребителю Соколова, куда, опережая их, подруливает на лыжах транспортный самолёт. Из транспортника выходят Толли и Ангелов, подходят к «Кобре», видят уходящий от неё след к берегу.

АНГЕЛОВ (разглядывая след). Несколько раз туда-обратно ходил. Видимо, в лес перебрался, костёр там разжёл... (Принюхивается). Точно, дымом пахнет... И правильно, в самолёте бы в первую же ночь в ледышку превратился.

ТОЛЛИ (с тревогой). А это что? (Показывает на многочисленные волчьи следы вокруг самолёта). Волки?.. У нас на Аляске они вот так двух пилотов...

АНГЕЛОВ. Волки... Но раз костёр горит – значит жив... (Достает пистолет). Я быстрее к нему, а ты самолёт посмотри...

ТОЛЛИ. Хорошо. Если что, подавай сигнал...

Ангелов проходит по следу Соколова совсем немного, и навстречу ему выбегают Виктор и Октя. Летчики радостно бросаются в объятия.

АНГЕЛОВ. Ну, слава Богу, жив! А то мы увидели следы волчьи...

СОКОЛОВ (*оборачиваясь к Окте*). Только благодаря ей жив остался. Вот она, спасительница моя, Октя! Знакомься.

ОКТЯ (*протягивая руку Ангелову*). Октябрина Сивцева... Октя...

АНГЕЛОВ. Очень приятно! Илья. Ангелов. Спасибо вам за нашего друга, Октя! (*Торопливо поворачивая назад*). Давайте к самолётам побыстрее, там Толли твою «Кобру» осматривает. Если можно быстро исправить – сразу взлетаем на обоих самолётах, пока погода позволяет. А то двое суток к тебе из-за тумана попасть не могли... (*Ускоряет шаг и подходит вместе с Соколовым к «Кобре»*). Октя чуть отстаёт от летчиков, чтобы не мешать их важному разговору).

ТОЛЛИ (*услышав голоса идущих, отрываясь от самолёта, с которого уже снял обтекатель*). Виктор, живой! (*Обнимая Соколова, но не трогая запачканными руками*). Мы так волновались за тебя!

СОКОЛОВ. Спасибо!.. А что с двигателем, разобрался?

ТОЛЛИ. Масляный радиатор перемерз. И маслопровод. Сейчас я их заменю, подогретого масла зальем, аккумулятор заряженный поставим – и, думаю, можно будет лететь.

АНГЕЛОВ (*Соколову*). А почему у одного тебя маслопровод замёрз? Ты проследил, чтоб техники перед полётом всё как надо сделали? Как я говорил? Они же, американцы, в этом деле не секут, холода у них все-таки поменьше. Да и кому, кроме русских, придёт в голову разбавлять масло бензином. А при наших морозах это единственный выход...

СОКОЛОВ (*смущенно*). Честно говоря, не проследил... С этой ногой проклятой провалялся...

АНГЕЛОВ. Вот и получил своё. Хорошо, что жив остался!

СОКОЛОВ. Виноват...

АНГЕЛОВ (*утешая*). Но все равно молодец: двигатель сохранил, самолёт в туман посадил...

ТОЛЛИ. В такой мороз не замёрз, от волков отбил... Молодец!

СОКОЛОВ. Тут уж не я молодец, – Октя. Вместо одного ангела-хранителя (*показывает на Ангелова*), Бог другого прислал (*Подводит и приобнимает*

слегка смущённую Октя). Опоздай она на пять минут – собирали бы вы сейчас мои кости... *(Представляя девушке Толли)*. Октя, это наш американский друг Николай.

Октя протягивает было свою ладошку Толли, но он смущённо разводит руками, вымазанными в машинном масле, кивает головой и снова возвращается к мотору, что-то с него снимая, но не прерывая разговора.

ТОЛЛИ. Да вас, Октя, надо в Герои произвести!

ОКТЯ *(смущённо-протестующе)*. Суох! Нет! Какой-такой герои! *(Показывая на Соколова)*. Он – герои! *(Мечтательно растягивая)*. Лё-ё-чики-и... Сталинской *(показывает рукой пикирующего сокола)* мохсогол...

АНГЕЛОВ. Да, везучий ты парень, Соколов, во всех смыслах...

СОКОЛОВ. Везучий-то везучий, да уж было по вам заскучал за двое суток...

ОКТЯ *(согласно подтверждая)*. Шибко-шибко скучал, песня много пел на хармошка...

ТОЛЛИ *(удивлённо, сдерживая улыбку)*. На гармошке?..

АНГЕЛОВ *(не сдержав веселья, хлопая себя по ноге о восторге)*. И в такой глуши гармошку нашёл!.. Откуда же она тут взялась?

ОКТЯ. Баска-оленевод *(показывает на пальцах)* три год назад оставлял... День рожденья дарил...

АНГЕЛОВ. А ты что, Октя, играть на гармошке умеешь?..

ОКТЯ *(машет рукой)*. Откуда умеешь! *(Поворачивается к Соколову)*. Лё-ё-чики-и умеет... Би-и-тя... Би-и-тенка...

Ангелов опять прячет улыбку в рукав, Соколов смущённо отворачивается от веселящихся товарищей, но тут Толли заканчивает ремонт и предлагает Соколову опробовать двигатель.

ТОЛЛИ. Виктор, готово, давай пробуй!

Услышав, как заработал двигатель, Октябрина вдруг, не попрощавшись, бежит к зимовью. Соколов не видит этого из затянутой инеем кабины.

АНГЕЛОВ (*непонимающе глядя вслед девушке*). Обиделась, что ли?..

Соколов пробует двигатель на разных режимах, оставляет его работать, открывает дверцу и выходит из самолёта.

ТОЛЛИ. Всё в порядке, можно лететь.

АНГЕЛОВ (*тактично делая вид, что не заметил, как убежала девушка*). Выруливай подальше от берега, на середине озера снег ветром сдуло, там почти чистый лёд, взлетишь как с бетонки...

СОКОЛОВ (*оглядываясь по сторонам*). А Октя где? Неужто и попрощаться не захотела?..

ТОЛЛИ (*радостно*). Да вон она, бежит.

Запыхавшаяся девушка подлетает к Соколову и протягивает ему... гармошку. Толли и Ангелов тактично уходят к своему самолёту, запускают двигатель.

ОКТЯ. Забирай! Скучать самолёте будешь – играть будешь! Октя помнить будешь!

СОКОЛОВ. Спасибо, красавица ты моя! (*Целует девушку*). Я тебя никогда не забуду!

ОКТЯ. Я тоже не забуду (*всхлипывая*) Би-и-тенка...

СОКОЛОВ. Я к тебе после победы обязательно прилечу! И на этой вот гармошке сыграю! Так сыграю!..

Соколов на прощание ещё раз целует Октябрину, захлопывает дверцу самолёта, выруливает на старт. Девушка бредёт в своё зимовье, опустив голову и всхлипывая.

Сцена семнадцатая

Весенний Якутск, недавно отметивший Первомай. Над входом в штаб перегонной дивизии на улице Дзержинского из репродуктора в который раз звучит сообщение:

«Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1943 года за 354 боевых вылета, 54 воздушных боя, 13 лично и 6 в группе сбитых самолётов противника присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали "Золотая Звезда" гвардии капитану Александру Ивановичу Покрышкину»

Услышавший это сообщение, раздосадованный Соколов бежит к командиру дивизии Мазуруку с очередным требованием отпустить его на фронт. Он врывается в кабинет, не видя, что комдив не закончил разговор с какой-то красивой молодой женщиной, сидящей чуть в сторонке у окна.

СОКОЛОВ. Товарищ комдив, разрешите обратиться по личному вопросу! (Замечая женщину и понимая, что прервал разговор). Извините, товарищ полковник...

МАЗУРК. Да ладно уже, обращайтесь, раз ворвались, хотя я прекрасно знаю, зачем вы ко мне пришли...

СОКОЛОВ. Так точно, товарищ комдив, знаете!.. А вы слышали указ о присвоении Героя капитану Покрышкину?..

МАЗУРУК. Да кто же его не слышал, который раз сегодня передают...

СОКОЛОВ. А сколько я могу ждать своей очереди на фронт? Ведь я мог быть рядом с Покрышкина и вместе с ним уничтожить десятки вражеских самолётов! Я мог бы принести на фронте гораздо больше пользы, чем здесь!

МАЗУРУК (на удивление спокойно). Вы и здесь внесли достойный вклад в будущую победу...

СОКОЛОВ. Товарищ комдив, хочу поставить вас в известность, если я ещё неделю не получу перевода на фронт, я улечу туда самовольно! Чего бы мне это не стоило!

МАЗУРУК (*спокойно*). Старший лейтенант Соколов, вы не сможете улететь на фронт самовольно, потому что (*сделав эффектную паузу*) час назад я получил приказ о вашем переводе на фронт! Поздравляю!

СОКОЛОВ (*не веря*). Вы... Вы не шутите, товарищ комдив?..

МАЗУРУК. Какие могут быть шутки. Жалко отпускать, но вот ваш приказ (*подаёт бумагу*), идите оформляйтесь, старший лейтенант. Да не забудьте потом попрощаться...

Соколов быстро пробегает глазами по листу, буквально подпрыгивает и от избытка радости целует Мазурука, а потом и сидящую у него женщину, которая начинает смеяться над этой сценой.

СОКОЛОВ. Спасибо! Спасибо, дорогой товарищ комдив! Ох и покажу же я теперь и Баркхорну!.. и Киттелю!.. и Раллю их хвалёному! Узнают, кто у нас настоящий асс!

Соколов вылетает на крыльцо, где обмениваются между собой позывными влюблённые Илья Ангелов и Нина Маркова.

АНГЕЛОВ. Запомни, мой новый позывной – «Тридцать первый»... «Тридцать первый»...

НИНА. А мой – «Метео-два». Всегда можешь «запросить прогноз» и услышать меня...

Соколов целует и их, ничего не понимающих, а следом – спешащего зачем-то к Мазуруку Толли. Дальше ему попадается Лика, которую он подхватывает и кружит в воздухе. Заправщица счастливо смеется, не подозревая, что прощается с тайным предметом своих воздыханий. В порыве чувств Виктор хочет даже обнять идущего навстречу Прилипко, но тот неприязненно отстраняется.

Особист заглядывает в кабинет к Мазуруку, показывая, что у него очень срочное и важное дело. Мазурук извиняющееся поворачивается к сидящей женщине и торопливо знакомит её Толли, которого, видимо, для этого и пригласил.

МАЗУРУК. Господин де Толли, разрешите представить вам ведущую актрису Русского драматического театра города Якутска госпожу Герлих.

ГЕРЛИХ (*подавая руку*). Лилия.

ТОЛЛИ. Очень приятно. Николас. Можно по-русски – Николай.

ГЕРЛИХ Мне тоже очень приятно.

МАЗУРУК. Лилия Тихоновна, я не случайно познакомил вас с Николасом. Я знаю, что вы готовите спектакль «Давным-давно» о войне 1812 года, а...

ГЕРЛИХ. ...господин де Толли является однофамильцем знаменитого полководца. Я угадала?

МАЗУРУК. Почти угадали. Он его родной правнук. И очень многое может вам рассказать о своей семейной истории...

ГЕРЛИХ (*всплескивая руками*). Да вы что! Это для нас такой подарок!.. Ну, товарищ полковник, вы любитель сюрпризов!.. Знаете, из вас мог бы выйти хороший актёр...

МАЗУРУК. Стараюсь по возможности... (*Видя, что особист, снова заглядывая в приоткрытую дверь, буквально сверлит его глазами, закругляет разговор*). Я бы попросил вас, господин де Толли, проводить Лидию Тихоновну до театра и по пути рассказать о своем знаменитом предке, а также договориться о дальнейшем сотрудничестве...

Буквально сталкиваясь в дверях с Толли и Герлих, в кабинет врывается изнывающий от нетерпения особист и эффектно протягивает Мазуруку несколько американских журналов с целующимися Смит и Ковалёвым на обложке и портретами «русского героя Соколова».

ПРИЛИПКО (*иронично*). Полюбуйтесь, пожалуйста, вашими подчинёнными, товарищ полковник. А вот мои рапорты в центральный аппарат, о которых я ставлю вас в известность. На лицо недопустимо близкие отношения с идеологическим противником, прямое участие в пропаганде западного образа жизни, недостойное поведение в быту...

Мазурук откладывает журналы и молча, с хмурым видом побеждает глазами по доносам особиста. А потом обращается к Прилипко.

МАЗУРУК. А вам не кажется, старший лейтенант, что у вас слишком хлопотная служба в нашей дивизии? Да и погода для здоровья в Якутии не очень полезная. Может, вам помочь подыскать какое-то другое место?..

Сцена восемнадцатая

Аляска, авиабаза Ледд-Фильд. Июнь 1943 года. Полупустой ресторан, в зале – только американцы, ни одного русского. За дальним из столиков Сони Райт о чём-то расспрашивает Толли, за другим сидит в одиночку Скотт. Певица Мэри Бэст грустно поёт на английском песню «Русские ангелы». За ближним столиком, накрытым на четыре персоны, сидят явно озадаченные Хелен и Энн. Судя по тому, что на тарелках девушек уже что-то лежит, а в бокалы не раз было налито вино, они находятся здесь немало времени. К двум другим приборам на их столе явно никто не прикасался. Словно насмехаясь над этой ситуацией, сияет улыбкой почему-то стоящий на столе портрет Чарли Чаплина. Глядя на «Незабудок», Скотт молча, но явно злорадует.

ЭНН (глядя на часы). Второй час сидим, подружка. Где-же наши русские кавалеры?

ХЕЛЕН. Ничего понять не могу. Сами же утром – не успели сесть – позвонили. Пригласили на семь вечера...

ЭНН (раздраженно, с обидой, нервно закуривая). И пробросили... Выставили (мотает головой в сторону Скотта) кое-кому на радость. У него, по-моему, скоро от удовольствия оргазм случится...

ХЕЛЕН. Да не должны они так поступить... Может, у них проблемы какие-то с самолётом...

ЭНН (иронично). Ага, после того, как приземлились и в свой отель приехали... Плохо ты мужиков знаешь! Особенно русских. Что-то более интересное подвернулось... Это у летунов называется «продинамить»... (Смотрит на портрет Чарли Чаплина). Ещё и этот клоун издевается! (Резко отворачивает портрет лицом в сторону).

ХЕЛЕН. Не могу я о них так подумать, особенно об Алексее...

ЭНН. Ну как же, такой чуткий, романтичный, стихи читает... Да все они только с виду такие!.. И этот гитарист-красавчик Андрюша не лучше... Хотя (вздыхая) если честно, подруга, он мне в прошлый раз понравился...

ХЕЛЕН. И Алёша мне тоже...

ЭНН (*наливая в бокалы*). Ну и хрен с ними! Давай, подруга, за нас с тобой и за...

В это время, обрывая «тост» расстроенных девушек, к ним подходит Толли, приклоняет за головы к себе и что-то тихонько шепчет сразу обеим. Напряжённые лица девушек начинают меняться. Хелен быстро кладёт на столик деньги, Энн забирает портрет Чарли Чаплина, и они выходят из ресторана.

Сцена девятнадцатая

Этот же июньский вечер. Гостиница русских лётчиков на авиабазе Ледд-Фильд. Тут так же невесело сидят Алексей Ковалёв и Андрей Белов. Перед ними на столе – только чайник, два стакана и раскрытая пачка печенья.

БЕЛОВ. Да, знал бы такое дело – бутылку спирта с собой бы привёз. Сейчас бы хоть с горя вмазали... А то теперь жди, когда в нашей резервации свой магазин откроют...

КОВАЛЁВ. Завтра обещали... Но нам-то с тобой от этого не легче... Представляешь, что сейчас Незабудки о нас думают. Сидят там, наверное, одни в ресторане...

БЕЛОВ. И считают нас с тобой самыми большими засранцами в мире... А заодно и всех русских лётчиков... И кто бы подумал, что наши политработники и особисты хреновы так быстро на какую-то драку среагируют...

КОВАЛЁВ. Да они не на драку среагировали, Андрюша, они испугались, что мы больно близко с американцами задружимся, «заразы западной» у них нахватаемся. Да ещё, не дай Бог, кто-то роман попытается завести с «идеологическим противником», вроде нас с тобой... Вот и решили подстраховаться...

БЕЛОВ. Отгородили забором. Теперь у нас на Аляске всё своё, советское, будет – и клуб, и баня...

КОВАЛЁВ. Да ещё и говорить американцам нельзя, что нам запретили их заведения посещать!..

БЕЛОВ. Мол, просто не желаем по вашим ресторанам и клубам ходить, у нас свои есть – получше... Я как услышал этот приказ, чуть от возмущения не лопнул!

КОВАЛЁВ. А я сразу о девчонках подумал. Как теперь в глаза им смотреть будем?!. Если б можно было сразу из дежурки позвонить, так там же столько ушей – правду вслух не скажешь...

БЕЛОВ. Да и на всех остальных номерах прослушка, наверняка, стоит...

КОВАЛЁВ. В любом случае, некрасиво всё получилось...

БЕЛОВ. Да уж, куда хуже...

Белов садится на кровать, берёт гитару, бесцельно перебирает струны. Ковалёв ложится на свою кровать и оба замолкают в расстройстве. В это время с шумом распахивается дверь, и в комнату врываются слегка подвыпившие Энн и Хелен. Энн – с двумя бутылками шампанского и портретом Чаплина в руках, Хелен – с кучей бумажных пакетов из которых видны апельсины, яблоки, колбаса...

ЭНН. Привет, мальчики!

ХЕЛЕН. Привет!

Ковалёв и Белов с такими же радостными криками «Привет!» подсакивают со своих кроватей, следует бурная сцена встречи с поцелуями и объятиями, лётчики подхватывают и водружают на стол выпивку и закуску. Энн говорит с большим акцентом, но видно, что она заметно подтянула свой русский.

БЕЛОВ. Ну, вы даёте!

КОВАЛЁВ. Да откуда вы, девчонки, свалились?

ЭНН. Разведка донесла, что ваше русское командование запретило вам посещать американский ресторан...

БЕЛОВ. К сожалению, да.

ХЕЛЕН. Но наш бригадный генерал Гаффни не запрещал нам ходить в гости к русским пилотам!

КОВАЛЁВ. Какие же вы молодцы, девчонки!

ХЕЛЕН. Хотя мы уж было решили, что вы нас забыли...

БЕЛОВ. Да как мы могли забыть таких Незабудок!..

КОВАЛЁВ. Да вы что!..

Все вместе начинают быстро накрывать на стол, убрав с него чайник. Белов выбегает и тут же возвращается с ещё двумя стаканами.

БЕЛОВ. А мы тут тоже всерьёз загрузили... Заперли, будто дикарей... *(Заметив, как Энн подкрашивает губы и кивая на неё).* Вот и помаду не купили...

ЭНН *(иронично-разочарованно).* Тебе нужна помада, Андрей?.. Ты?.. Неужели ты... Как это будет, по-русски... «подружка»?

БЕЛОВ *(смущённо).* Да ты что, ты что!..

КОВАЛЁВ. Да не ему помада нужна, а ребятам нашим...

ЭНН. Любимым мальчикам, да?...

ХЕЛЕН *(ревниво).* А может, это подарки русским девушкам?

ЭНН. Это тоже не есть хорошо...

БЕЛОВ. Да нет же, нет! Не русским! Американским! Самолётам...

КОВАЛЁВ *(начиная объяснять).* У вас, американцев, приборы-то что показывают?! – Футы, мили, галлоны... Русские мозги от них напрочь вывихиваются! Вот мы и приспособились...

БЕЛОВ. Вашей губной помадой на ваших же приборах наши русские отметки делать. Перед полётом нарисовал, где надо, после полёта – стёр... И порядок!

ЭНН *(смеясь).* Гениально!..

ХЕЛЕН *(тоже смеясь).* Такое только русские могут придумать! *(Оборачиваясь к Энн).* Ну что, Аннушка, придётся поделиться своей красотой... *(Достаёт из сумочки помаду и отдаёт Алексею).*

ЭНН. Оф коз! Конечно! *(Со смехом протягивает тубик Андрею).* Бери, подружка!..

БЕЛОВ, КОВАЛЁВ. Спасибо, спасибо, девчонки...

ХЕЛЕН. Но если заметим, что вы краситесь сами...

ЭНН. На следующее свидание к вам отправим Скотта!.. *(Смеётся).* Да... нам нужен еще один стакан...

БЕЛОВ. Надеюсь, не для Скотта!..

ЭНН. Не пугайся, подружка. *(Водружает на стол портрет Чарли Чаплина).*

БЕЛОВ. А он здесь по какому случаю?!

ХЕЛЕН. Мы имеем честь завтра утром передать вам не просто бомбер А-20 «Бостон», а самолёт, подаренный Красной Армии самим Чарли Чаплиным! С его письмом на русском языке и вот этим портретом с автографом.

ЭНН. Он купил его на свои деньги. Это стоило 250 тысяч долларов – целое состояние!..

КОВАЛЁВ. Выходит, он не только великий актёр, но и человек замечательный!

БЕЛОВ *(подхватывая).* Так давайте первый тост – за Чарли Чаплина!

ВСЕ. За Чарли! За его подарок! За Чарли Чаплина! *(Чокаются друг с другом и с портретом Чарли Чаплина).*

Сцена двадцатая

Июльская серая ночь на аэродроме базы Ледд-Фильд. В очередной раз подвыпивший Вилли Скотт в темноте крадучись подходит к самолёту, на котором Хелен и Энн полетят обратно с Аляски. Он открывает горловину заправочного бака и, злорадно бормоча, что-то засыпает в бензин.

СКОТТ. Так... так... ещё немного... А теперь посмотрим, как эти шлюшки, променявшие нас на русских, доберутся домой к своим мамочкам.

Сцена двадцать первая

Якутск. Июль 1943 года. Метеоролог Нина Маркова сидит на своём рабочем месте в командном пункте аэродрома, смотрит карты погоды, слушает запросы лётчиков в радиоэфире и отвечает в микрофон.

НИНА. «Двенадцатый», «Двенадцатый», я – «Метео-два». Запрос поняла. Запрос поняла. Отвечаю. Метеоусловия на трассе простые. Простые. Облачность высокая, два-три балла. Два-три балла. Ветер умеренный 5-6 метров в секунду.

«ДВЕНАДЦАТЫЙ». «Метео-два», «Метео-два», вас понял. Спасибо!

НИНА. Счастливого полёта!..

Нина заканчивает разговор, и в этот момент, воспользовавшись паузой, в её рабочую комнатку проскальзывает Лика. Лихо сбрасывает грубую рабочую куртку заправщицы, достаёт из сумки и быстро одевает, оглядываясь на дверь, яркую цветную кофточку. Крутится перед Ниной.

ЛИКА. Ну, как? Как?

НИНА (*всплескивая руками*). Ой, расцветочка какая веселенькая! И сидит отлично!..

ЛИКА. Старалась, полночи шила. (*Эффектно проходит по комнатке, уперев руки в бока*).

НИНА. Какая ты, Лика, красавица!

ЛИКА. Красавица-то красавица, а замуж никто не берёт... Вот и Соколов песенки пел-пел, а сам на фронт сбежал...

НИНА. Сокол – птица вольная...

ЛИКА. Зато твой Ангел, смотрю, уже крепко привязан... Счастливая ты, Нинка...

Неожиданно в эфире раздаётся позывной Ильи Ангелова.

АНГЕЛОВ. Я – «Тридцать первый», я – «Тридцать первый», вызываю «Командный»...

НИНА. А вот и Ангел мой! *(Слушает с умилением).*

ЛИКА. Долго жить будет! Как будто услышал! *(Остается из любопытства в дверях).*

ДИСПЕТЧЕР КОМАНДНОГО ПУНКТА. Я – «Командный», я – «Командный», вас слушаю.

АНГЕЛОВ *(сквозь помехи и паузы).* Докладываю. На расстоянии 60 километров от Олекминска произошла частичная... разгерметизация... охлаждающей системы. Повышается температура... двигателя. Постараюсь... дотянуть... аэродрома...

ДИСПЕТЧЕР КОМАНДНОГО ПУНКТА. Я – «Командный», вас понял. Докладываю о происшествии «Первому».

Нина в тревоге ловит каждое слово Ангелова, прорывающееся сквозь треск и помехи радиоэфира, Лика медленно подходит к подружке сзади и берёт её руками за плечи

АНГЕЛОВ. Вас понял, вас понял...

ДИСПЕТЧЕР КОМАНДНОГО ПУНКТА. «Тридцать первый», «Тридцать первый», соединяю с «Первым».

МАЗУРУК. «Тридцать первый», что там у тебя стряслось?

АНГЕЛОВ. Товарищ «Первый», докладываю. Температура двигателя выше нормы... но не критическая... в кабине пары охлаждающей жидкости – гликоля... постараюсь дотянуть... Товарищ «Первый» ... дайте команду освободить посадочную Олекминска... буду садиться сходу.

МАЗУРУК. Этиленгликоль в кабине?! «Тридцать первый», приказываю срочно покинуть самолёт!

АНГЕЛОВ. Никак нет... товарищ «Первый»... буду продолжать полёт...

МАЗУРУК. «Тридцать первый», прыгай немедленно! Сознание потеряешь, мать твою!

АНГЕЛОВ. Лучше потерять сознание, товарищ «Первый», чем снова... в штрафбат...

МАЗУРУК. Какой штрафбат, дурень! Прыгай, мать твою!

НИНА (*не выдержав*). Прыгай, Ильюшенька, прыгай!

ЛИКА (*вслед за Ниной*). Прыгай, Илья!

АНГЕЛОВ. Нет... Нет... Дотяну... До...

В эфире раздаётся треск, грохот и – молчание в ответ на запросы Мазурука.

МАЗУРУК. «Тридцать первый», ответьте «Первому»! «Тридцать первый», ответьте «Первому»! «Тридцать первый»...

Нина падает в рыданиях на грудь подруги. Та, тоже в слезах, пытается гладить и успокаивать Нину, не находя слов утешения.

Сцена двадцать вторая

Авиабаза Ледд-Фильд. Август 1943 года. Гостиница русских лётчиков. Алексей Ковалёв и Андрей Белов горестно склонили головы над столом, на котором на этот раз, вместо Чарли Чаплина, стоят портреты Хелен Смит и Энн Дуглас с чёрными ленточками и налитыми наполовину номинальными стаканами, накрытыми кусочками хлеба.

КОВАЛЁВ. Вот и всё, генерал Гаффни приказал с сегодняшнего дня поиски самолёта прекратить, а экипаж считать погибшим...

БЕЛОВ. Как положено по их американским законам, если за месяц не нашли, то...

КОВАЛЁВ. Да тут не за месяц, за полгода всё не обыщешь. Трасса – три тысячи километров, и почти сплошные горы, леса да болота... Если бы нам самим полетать дали...

БЕЛОВ. Да кто нам даст... А потом, если честно, командир, были бы живы – за столько времени уж как-то бы дали знать. Или вышли куда-то на людей... Нет, нету больше наших Незабудок... Не-ту...

КОВАЛЁВ. А я, знаешь, никак поверить не могу, что Ленки больше нет... Она мне ещё тогда, сразу приснилась, и знаешь... стихотворение «Жди меня» прочитала... «Жди меня, и я вернусь...»

БЕЛОВ. Не надо себя травить, командир. Не надо...

КОВАЛЁВ. Вот она, война эта проклятая... Кажется, не видно и не слышно отсюда, а дотянулась своими корявым пальцами...

БЕЛОВ. Вырвала...

КОВАЛЁВ. А мы с Ленкой уже договорились после победы в Питере встретиться, у неё же корни тоже оттуда. В Петергоф хотели съездить, в Царское Село...

БЕЛОВ. Меня Аннушка в Америку приглашала. В гости, конечно... В её родной Техас, на семейное ранчо, с настоящими ковбоями виски попить... А вместо этого на помин её души пить придётся... *(Берёт бутылку водки, наливает в стаканы, поднимается.)* Ну что, давай, командир, помянем...

КОВАЛЁВ *(поднимаясь)*. Давай помянем. Царство небесное Елене и Анне...

БЕЛОВ. Пусть земля им будет пухом...

Они пьют, не чокаясь, печально замолкают, думая каждый о своём, точнее – о своей погибшей любви. Ставят стаканы на стол. И в этот момент в комнату с криком врывается Толли.

ТОЛЛИ. Незабудки! Незабудки! Незабудки вышли на связь! Они починили рацию! Обе живы!

БЕЛОВ. Живы! Живы! Незабудки! Аннушка! Ура!

КОВАЛЁВ. Живы! Нашлись! Ленка! Ура!

Белов с Ковалёвым, а за ними и Толли выхватывают пистолеты, выскакивают на улицу и начинают с радостными криками палить в небо.

Сцена двадцать третья

Как продолжение стрельбы перегонщиков – грохот авиационных пулемётов и пушек, а на экране – кинохроника начала воздушного боя

Покрышкина и его ведомого Соколова. Их пара лишь появляется в воздухе, а немецкие службы наблюдения уже отчаянно предупреждают своих с пилотов земли: «Achtung! Achtung! Pokryschkin ist in der Luft!.. Achtung! Achtung! Pokryschkin ist in der Luft!».

Одновременно звучит «Песня истребителей».

Закружилась карусель,
 Прямо в крест ложится цель
 И пронзает небо
 Огненная трасса.
 Схлопотали, вашу мать,
 Вам давно пора бы знать:
 Научились мы сбивать
 Хвалёных ассов.

Получай подарок фриц
 От столиц и от станиц
 И гори с фашистской сворой
 Окаянной.
 Мы тебе в один присест
 Обеспечим русский крест,
 Только вот не наградной,
 А деревянный.

ПОКРЫШКИН (отдавая команду ведомому). «Сокол», «Сокол», под нами четыре «мессера» на восемь часов. Атакуем! Мой первый, твой – второй!

СОКОЛОВ. «Сотый». Приказ понял. Атакуем!

Падая с высоты и закручивая в небе карусель вслед за своим ведущим, которого уже так боятся фашисты, Соколов сбивает «мессер», тот дымит, падает вниз и взрывается. Покрышкин тоже отправляет в землю свою цель.

ПОКРЫШКИН (*радостно*). Молодец, «Сокол», молодец! Поздравляю с десятым «мессером». Ты – Герой, «Сокол»! Уходим вверх!

СОКОЛОВ. Спасибо, «Сотый». Понял, уходим вверх!.. (*Неожиданно*). «Сотый», «Сотый», вижу «мессер» Баркхорна! Атакую!.. Я сбил его! Я сбил Баркхорна! Барк... Барк... (*Замолкает*).

ПОКРЫШКИН (*кричит*). Уходи правым виражом, «Сокол», держись, я прикрою! Тяни к аэродрому!

НЕМЕЦКАЯ НАЗЕМНАЯ СЛУЖБА. Achtung! Achtung! Pokryschkin ist in der Luft!».

ПОКРЫШКИН. «Сокол» ты меня слышишь, «Сокол»?! Уходи виражом! Ты меня слышишь?!

НЕМЕЦКАЯ НАЗЕМНАЯ СЛУЖБА Achtung! Achtung! Pokryschkin ist in der Luft!».

ПОКРЫШКИН. Ты меня слышишь, «Сокол»?!. «Сокол», тяни к аэродрому!.. Держись, «Сокол»!..

Звуки боя обрываются, экран гаснет в темноте.

Сцена двадцать четвёртая

Последние дни декабря 1943 года. Русский драматический театр города Якутска. Проектор высвечивает на сцене Шуру – главную героиню спектакля «Давным-давно» по пьесе Геннадия Гладкова. Конечно же, Шуру играет Лилия Герлих. Звучат музыка и слова финального дуэта главной героини и её возлюбленного поручика Ржевского. Куплеты песни несколько перефразированы, чтобы, не нарушая исторического контекста, текст был «в тему».

Над нами слава дымом веет,
И лишь порою только мучит нас одно –
Сердца без практики ржавеют
Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

Влюблённым море по колено,

Я с ними в этом, с ними в этом заодно.
И счастье ждёт их, непременно,
Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

Метут свинцовые метели,
И если нам с тобой расстаться суждено,
В бою споем мы так, как пели
Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

Пусть лютый враг умрёт в надежде –
Отчизну нашу покорить не суждено!

Его мы будем бить, как и прежде,
Давным-давно, давным-давно, давным-давно.

Звучат бурные аплодисменты, крики «Браво!». В зале загорается свет и один за другим поднимаются со своих мест Мазурук и Гаффни; Николас Толли с букетом цветов, восторженно хлопающий и машущий Лилии Герлих; Алексей Ковалёв с Хелен и Андрей Белов с Энн; на костылях, но живой Илья Ангелов с Ниной Марковой; заправщица Лика в своей нарядной кофточке и просто жители Якутска, преимущественно женщины. А возле сцены уже суется со своим фотоаппаратом Сони Райт.

Мазурук и Гаффни поднимаются на край сцены с общей корзиной цветов, за ними следует Толли с букетом для главной героини, к которой он явно равнодушен. А Лилия Герлих от имени артистов уже благодарит и поздравляет зрителей.

ГЕРЛИХ. Дорогие наши гости! Бесстрашные красные соколы и замечательные американские друзья! Разрешите мне от имени труппы Русского драматического театра горячо поблагодарить вас за то, что вы, несмотря на все сложности военного времени, собрались сегодня здесь на нашей премьеры! Мы от души поздравляем вас с наступающим Новым 1944-м годом! Мы желаем вам чистого неба, удачных полётов и скорейшей победы над нашим общим врагом!

Снова звучат аплодисменты, Мазурук и Гаффни ставят перед актерами корзину с цветами, жмут руки артистам, поздравляя их с

премьерой. Толли вручает букет Герлих и целует её. Остальные сидевшие в зале тоже подходят к актерам с поздравлениями. Сони Райт выбегает на сцену и начинает выстраивать всех для общего снимка.

И в этот момент звучит мелодия «Сталинского сокола», распахивается боковая дверь зрительного зала и неожиданно для всех входит Виктор Соколов с букетом цветов и звездой Героя на груди.

СОКОЛОВ (*громко, на весь зал*). Кажется, я немного опоздал?!

ВСЕ СТОЯЩИЕ НА СЦЕНЕ (*бросаясь обнимать Соколова*). Соколов! Виктор! Живой! Витенька! Сокол! Герой!

И этот миг поцелуев, объятий и приветствий всех навалившихся на Соколова навсегда запечатлевает вспышка фотокамеры Сони Райт. На фоне застывшего стоп-кадра звучит текст:

«Закончился ещё один непростой год войны, за который по трассе «Аляска – Сибирь» на фронт перегнали 2466 самолетов. Александр Покрышкин в августе 1943 года получил вторую звезду Героя за 30 сбитых самолётов противника. Он не расстанется со своей «Аэрокоброй» до самой Победы и станет лучшим советским ассом, трижды Героем Советского Союза, записавшим, по официальным данным, на свой счёт 59 сбитых самолётов врага, а по неофициальным – больше сотни. 16-й гвардейский авиаполк, которым в конце войны командовал Покрышкин, окажется самым эффективным подразделением советской истребительной авиации, даст 15 Героев Советского Союза и уничтожит в небе более 600 вражеских самолётов.

До мая 1945 года советские летчики получают от американских союзников по «Алсибу» 8664 самолёта, которые очень помогут победить врага. За это же время на трассе «Аляска – Сибирь» погибнет 113 советских летчиков-перегонщиков. На американской трассе от штата Монтана до Аляски потери составят 133 человека, в том числе 38 женщин. Вечная память этим героям северных небес!..»

Информация для постановщиков

В интернете есть в свободном доступе документальные фильмы, фрагменты которых я бы рекомендовал использовать при постановке:

«Союзкиножурнал» № 1-2 за 1943 год

«Александр Покрышкин», 1945 год

«Александр Покрышкин», 1985 год

«АлСиб. Секретная трасса», 2012 год.

«Истребители Люфтваффе. Восточный фронт», 2011 год

«Ассы Люфтваффе Второй мировой», 1997 год

А также видеоролики

«Воздушные бои Второй мировой»,

«Воздушные бои Великой Отечественной» и т.п.